

ISSN 2500-2902
URAL-ALTAIC STUDIES
УРАЛО-АЛТАЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

№ 1 (44) 2022

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН

МОСКВА

Ural-Altaic Studies
Урало-алтайские исследования

ISSN 2500-2902
ISBN 978-1-4632-0168-5

Ural-Altaic Studies

Scientific Journal

№ 1 (44) 2022

Established in 2009
Published four times a year

Moscow

© Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 2022
© Tomsk State University, 2022

ISSN 2500-2902
ISBN 978-1-4632-0168-5

Урало-алтайские исследования

научный журнал

№ 1 (44) 2022

Основан в 2009 г.
Выходит четыре раза в год

Москва

© Институт языкознания Российской академии наук, 2022
© Томский государственный университет, 2022

CONTENTS

No 1 (44) 2022

Maria K. Amelina. The nominal declension system of the Western Tundra Nenets dialects in archimandrite Veniamin's (Smirnov's) "Samoyed Grammar" (1 st half of the 19 th century) in comparison with the modern data.....	7
Marina V. Kutsaeva. Language biographies of the Maris of the Moscow region — the natives of the areas where the Meadow Mari language is spoken in the Republic of Mari El	116
Natalia M. Stoynova. Grammatical system before and under language shift: future tense forms in Ulcha	154
Style sheet	177

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 1 (44) 2022

М. К. Амелина. Система именного склонения западных диалектов тундрового ненецкого языка в «Грамматике самоедского языка» (I пол. XIX в.) архимандрита Вениамина (Смирнова) в сопоставлении с современными данными	7
М. В. Куцаева. Языковые биографии представителей марийской диаспоры московского региона (уроженцев районов распространения лугового марийского языка в Республике Марий Эл)	116
Н. М. Стойнова. Грамматическая система до и во время языкового сдвига: формы будущего времени в ульчском языке	154
Требования к оформлению статей.....	177

Главный редактор

А. В. Дыбо

(д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН)

Заместитель главного редактора

Ю. В. Норманская

(д.ф.н., Институт языкознания РАН)

Редакционная коллегия

В. Ю. Гусев (к.ф.н., Институт языкознания РАН), П. П. Дамбуева (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), Е. В. Кашкин (к.ф.н., Институт русского языка РАН), О. А. Мудрак (д.ф.н., проф., Российский государственный гуманитарный университет), С. А. Мызников (д.ф.н., проф., Институт лингвистических исследований РАН), И. Николаева (PhD, Школа восточных и африканских исследований, Великобритания), Ф. Ш. Нуриева (д.ф.н., проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет), Г. Ц. Пюрбеев (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), М. Роббеетс (PhD, Лейденский университет, Нидерланды), И. Я. Селютина (д.ф.н., проф., Институт филологии СО РАН), Р. А. Тадинова (д.ф.н., доц., Институт языкознания РАН), З. Н. Экба (к.ф.н., Институт языкознания РАН), А. Б. Шлуинский (к.ф.н., Институт языкознания РАН)

Редакционный совет

В. М. Алпатов (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН), А. Е. Аникин (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт филологии СО РАН), Р. Г. Ахметьянов (д.ф.н., проф., Бирский государственный педагогический институт), М. Бакро-Надь (проф., Университет Сегеда, Венгрия), В. Блажек (проф., Масариков университет, Чехия), Т. М. Гарипов (д.ф.н., чл.-корр. НАН РБ, Башкирский государственный педагогический институт им. М. Акмуллы), Н. И. Егоров (д.ф.н., проф., Чувашский государственный институт гуманитарных наук), И. В. Кормушин (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), И. Л. Кызласов (д.и.н., проф., Институт археологии РАН), Й. Лааксо (проф., Венский университет, Австрия), К. М. Мусаев (д.ф.н., чл.-корр. РАЕН, Институт языкознания РАН), И. А. Невская (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия), Т. Ризе (проф., Венский университет, Австрия), Е. К. Скрибник (проф., Мюнхенский университет, Германия), П. А. Слепцов (д.ф.н., проф., акад. НАН РСЯ, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН), М. Стаховски (проф., Краковский университет, Польша), Ф. Г. Хисамитдинова (д.ф.н., проф., Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН), Л. Хонти (проф., Будапештский университет, Венгрия), Н. Н. Ширококова (д.ф.н., проф., Институт филологии СО РАН), К. Шониг (проф., Берлинский университет им. Гумбольдта, Германия), М. Эрдал (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия)

Editor-in-Chief

Anna Dybo

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Deputy Editor-in-Chief

Yulia Normanskaya

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Editorial Board

Polina Dambueva (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Zarema Ekba (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Valentin Gusev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Egor Kashkin (Institute of the Russian language, Russian Academy of Sciences), Oleg Mudrak (Russian State University for the Humanities), Sergey Myznikov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences), Irina Nikolaeva (School of Oriental and African Studies, Great Britain), Fanuza Nurieva (Kazan (Volga region) Federal University), Grigoriy Pyurbuev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Martine Robbeets (Leiden University, Center for Linguistics, Institute for Area Studies, the Netherlands), Irina Selyutina (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Andrey Shluinski (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Roza Tadinova (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Advisory Board

Rinat Ahmet'yanov (Birk State Pedagogical Institute), Vladimir Alpatov (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Alexandr Anikin (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marianne Bakró-Nagy (University of Szeged, Hungary), Václav Blažek (Masaryk University, Czech Republic), Nikolay Egorov (Chuvash State Institute for the Humanities), Marcel Erdal (Goethe University Frankfurt, Germany), Talmas Garipov (M. Akmulla Bashkir State Pedagogical University), Firdaus Hisamitdinova (Institute of History, Language and Literature, Ufa Scientific Centre of Russian Academy of Sciences), László Honti (University of Budapest, Hungary), Igor Kormushin (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Igor Kyzlasov (Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences), Johanna Laakso (University of Vienna, Austria), Kenesbay Musaev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Irina Nevskaya (Goethe University Frankfurt, Germany), Timothy Riese (University of Vienna, Austria), Klaus Schönig (Humboldt University of Berlin, Germany), Natalia Shirobokova (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Elena Skribnik (University of Munich, Germany), Piotr Slepsov (Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marek Stachowski (Krakow University, Poland)

Грамматическая система до и во время языкового сдвига: формы будущего времени в ульчском языке

Стойнова Наталья Марковна, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва); stoynova@yandex.ru

В работе обсуждается система будущего времени в ульчском языке (тунгусо-маньчжурская семья) в контексте грамматических изменений, происходящих в ситуации языкового сдвига. В ульчском языке в зоне будущего времени конкурируют три основных формы — две специализированные формы будущего времени, а также неспециализированная форма презенса. Первая задача работы — на материале текстов подробно описать их исходную, до языкового сдвига, конкуренцию и распределение по контекстам семантической зоны будущего времени. Вторая, основная, задача — на материале текстов и элицитации с современными носителями рассмотреть, как меняется их употребление в ситуации языкового сдвига. Как и ожидалось, наблюдается экспансия неспециализированной (презентной) формы и сокращение числа употреблений специализированных футуральных маркеров. При этом, вопреки ожиданиям, на уровне семантики заметных изменений нет. Специализированные футуральные формы используются реже, но в изначально свойственных им контекстах. Отдельно в работе рассмотрен частный морфологический сюжет: регуляризация лично-числовой парадигмы в одной из футуральных форм. Морфологические данные демонстрируют похожую картину: регуляризация парадигмы действительно наблюдается в речи современных носителей, однако этот процесс начинается еще до языкового сдвига.

Ключевые слова: тунгусо-маньчжурские языки, ульчский язык, глагольные категории, будущее время, языковой сдвиг, языковая аттриция

GRAMMATICAL SYSTEM BEFORE AND UNDER LANGUAGE SHIFT: FUTURE TENSE FORMS IN ULCHA

Natalia M. Stoynova, V. V. Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences,
National Research University “Higher School of Economics” (Moscow); stoynova@yandex.ru

In this paper, I discuss the system of future tense forms in Ulcha (Tungusic) in a language shift perspective. In Ulcha, the future semantic domain is covered by three main forms, i.e. two dedicated future tense forms and a present tense form. The first objective of the paper is to reconstruct the initial system of forms with reference to future (i. e. the system attested before the language shift). Based on data from early texts, I describe their distribution and competition within the future semantic domain. Three main forms compete in this domain. These are present forms, which are actively used in Ulcha both with reference to present and with reference to future, and two dedicated future tense forms. Both forms have additional modal semantic nuances. What is especially important for this study is that these forms are chosen on different grounds, therefore the range of contexts in which both forms are acceptable is quite wide. The second objective is to analyze how the use of future tense forms changes in a situation of language shift. This part of the study is based on comparative textual data (those coming from early archive texts and those coming from our recent field recordings), as well as on elicited data received from contemporary speakers. As expected, the frequency of non-specialized (present) forms increases, while the frequency of dedicated future tense forms becomes lower. At the same time, contrary to expectations, no notable semantic changes take place. Dedicated future tense forms are used by contemporary speakers more rarely, but exactly in the same contexts as before the language shift. I also consider a related morphological topic, i.e. regularization of the person-number paradigm in one of the future forms. The morphological data show a similar picture: the regularization process is indeed attested in the modern Ulcha speech. However, this process appears to have started before the language shift.

Keywords: Tungusic languages, Ulcha, TAM categories, future tense, language shift, language attrition

Финансирование: Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

1. Введение

Ульчский язык относится к южной (нанайской) подгруппе тунгусо-маньчжурских языков, долгое время он считался одним из диалектов нанайского языка. Ульчи компактно проживают в Ульчском районе Хабаровского края (Нижний Амур). Ульчский язык значительно менее описан, чем близкородственный нанайский: имеются краткие грамматические очерки, текстовые и словарные материалы [Петрова 1936] и [Суник 1985: 45], достаточно много текстов собрано и опубликовано С. Кадзамой в 1990—2000-е гг. Сейчас ульчский язык находится в угрожаемом положении (*severely endangered* по классификации ЮНЕСКО). Число носителей, свободно владеющих ульчским, по нашим оценкам, не более 50, по данным переписи 2010 г. насчитывалось 154 носителя, что составляет 6% от этнической группы. Все носители — старшего поколения, все свободно владеют русским, ульчский язык используют очень ограниченно. Большинство носителей сосредоточено в селах Булава (национальное село) и Богородское (районный центр), где были собраны и данные, обсуждаемые в работе, по нескольким носителям проживают в других селах Ульчского района (Кольчём и Солонцы, Монгол, Дуди и нек. др.), в городах Николаевск, Комсомольск-на-Амуре, Хабаровск. Подробнее о социолингвистической ситуации см. обзоры [Герасимова 2002; Сумбатова, Гусев 2016].

В целом применительно к ульчскому языку можно, таким образом, говорить о процессе «языкового сдвига» — перехода языкового сообщества с ульчского языка на русский. Причем языковой сдвиг происходит достаточно быстро. Контакт ульчей с русскими (и ульчского языка с русским языком) начинается с середины XIX в. Для рассматриваемого региона это достаточно рано, однако объективно период языкового контакта (особенно активной его фазы) очень небольшой. Перечислим некоторые релевантные факты, касающиеся в основном сел Булава и Богородское, материал из которых будет обсуждаться в статье. В 1853—1855 гг. появляются первые поселения русских на Нижнем Амуре (самые ранние поселения — забайкальские казаки и иркутские крестьяне), в т. ч. в 1855 г. основано русское село Богородское. В 1856 г. русскими открыто почтовое сообщение по Амуру, а в 1872 г. — Удильский золотой прииск. Из коренного населения именно ульчи наиболее активно нанимаются на работу к русским — ямщиками, возчиками, косцами, на рыбозаготовках и на приисках. Очень рано к ульчам приходит Советская власть: в частности, в 1923 г. образован Богородский сельский совет депутатов и Булавинский туземный совет. В 1928 г. в Булаве организуют кооперативное товарищество, а в 1931 г. — колхоз. К 1930 г. на территории Ульчского района насчитывается 13 колхозов. В 1950-е г. в с. Булава начинает работать лес-промхоз, с этого момента происходит очень заметный приток русского населения. Первая школа на территории Ульчского района открывается еще до революции — церковно-приходская школа в русском селе Мариинское (1879 г.), в 1920-х гг. появляются школы и ликпункты для взрослых в ульчских селах. В частности, в 1924 г. открыта начальная школа в с. Булава. С 1932 г. в Ульчском районе введено всеобщее начальное образование, с начала 1950-х гг. появляется все больше семилетних и средних школ. Подробнее см. сборник [Иващенко (Ред.) 1994], в особенности [Старцев 1994; Иващенко, Старцев 1994].

В ситуации быстрого языкового сдвига неизбежно возникает вопрос о том, влияет ли он на языковую систему, в частности на грамматику вымирающего языка. См. обзор подходов к исследованию рефлексов языкового сдвига в грамматике и их применение, в частности, к материалу языков обсуждаемого региона в [Груздева 2007].

Начиная с таких работ, как [Dorian 1981] о гэльском языке, [Schmidt 1985] о языке дирбал, анализ грамматической системы вымирающего языка во многом направлен на поиск свидетельств ее упрощения по сравнению с «эталонной» грамматикой более старшего поколения. Выделяют следующие типы упрощения грамматической системы, ожидаемые в ситуации утраты языка (см., например, [Sasse 2001]):

- регуляризация (выравнивание иррегулярных парадигм по продуктивным моделям и т. п.);
- увеличение лексической и морфосинтаксической прозрачности;
- уменьшение избыточности;
- уменьшение числа грамматических категорий и, шире, разного рода значимых противопоставлений.

Исследование таких процессов, помимо собственно теоретического, имеет и практический аспект, актуальный для полевого лингвиста, ср. следующую цитату из работы [Sasse 1992: 60]: «⟨...⟩ необходимо подвергать критической оценке данные, которые мы получаем полевыми методами в ситуации языкового сдвига (“языковой смерти”). Если мы проводим лингвистическое исследование в языковом сообществе, где остались только полуносители, мы должны иметь в виду, что, возможно, большинство элицированных данных, если не все, отражают искаженную речь, подвергнувшуюся определенным процессам редукции. В результате исходная грамматическая система, использовавшаяся предшествующими поколениями компетентных носителей, может быть выявлена лишь путем реконструкции»¹.

¹ ⟨...⟩ it is necessary to evaluate the data we obtain when doing field work in language death situations. If we conduct a linguistic investigation in a speech community where only semi-speakers are left, we must be aware of the possibility that

В то же время есть и работы, в которых представление об обязательной последовательной редукции языковой системы при языковом сдвиге ставится под сомнение. Так, в недавней статье [Kantarovich et al. 2021] на материале эвенского и чукотского языков показано, что происходящие в них в ситуации языкового сдвига грамматические изменения нельзя однозначно интерпретировать как ведущие к упрощению. В частности, при упрощении одного фрагмента грамматики другой ее фрагмент может, наоборот, усложняться.

Еще одно возможное отступление от описанной схемы — ситуация, когда язык выходит из употребления, не успевая заметно измениться. В этой статье разбирается пример такого рода. Я буду обсуждать степень влияния наблюдаемой ситуации языкового сдвига на грамматическую систему ульчского языка на примере одного фрагмента глагольной парадигмы — форм будущего времени (об ульчской именной системе в условиях языкового сдвига ср. [Оскольская, Стойнова 2019]). В ульчском языке засвидетельствованы две формы, претендующие на статус специализированных футуральных форм. Одна из них, по существующим описаниям, имеет особый набор лично-числовых показателей. Значения зоны будущего могут выражаться и неспециализированными средствами — прежде всего, формой презенса. В ситуации языкового сдвига можно ожидать, во-первых, морфологических изменений, в т. ч. вытеснения специализированных лично-числовых аффиксов аффиксами, характерными для большинства глагольных форм (регуляризация в классификации выше). Во-вторых, можно предположить, что в речи современных носителей будет так или иначе меняться исходное соотношение контекстов употребления конкурирующих показателей в футуральной зоне. В частности, более освоенный показатель презенса будет вытеснять узкие специализированные показатели (уменьшение избыточности, уменьшение числа грамматических противопоставлений). Ниже я проверяю это на материале ульчских текстов разного времени и на материале элицитации (с современными носителями). Рассмотренные данные показывают, что изменения в речи современных носителей действительно есть, но они скорее частотные, чем качественные.

Исследование состоит из двух логических частей. Задача первой части (описательной) — восстановить предположительное исходное (до языкового сдвига) состояние системы будущего времени, в т. ч. распределение конкурирующих форм по значениям семантической зоны будущего. Задача второй части (микродиахронической) — проследить, как эта картина меняется (если меняется) в речи современных носителей. Статья построена следующим образом. В разделе 2 кратко обсуждается материал исследования. В разделе 3 перечислены и охарактеризованы формы, используемые в контексте будущего времени. Основные разделы 4 и 5 посвящены описанию системы футуральных форм и поиску возникающих в ней изменений — морфологических (раздел 4) и семантических (раздел 5). В разделе 6 данные суммируются и обсуждаются, раздел 7 содержит краткое заключение.

2. Данные исследования

Основная часть исследования опирается на текстовые данные, в качестве вспомогательных использованы данные элицитации.

Ниже я сравниваю две коллекции текстов: коллекцию ранних текстов («до языкового сдвига») — от носителей с 1870 по 1920 г. р., и коллекцию поздних текстов — от носителей с 1930 по 1960 г. р. В первую коллекцию вошли тексты, опубликованные в [Петрова 1936] и в [Суник 1985], а также тексты из архива Л. И. Сем. Тексты из [Петрова 1936] были собраны Т. И. Петровой в 1920—1930-е гг. в Ленинграде от студентов Института народов Севера. Тексты из [Суник 1985] собраны О. П. Суником в 1960—1970-е гг. в селах Ульчского района в основном от носителей старшего поколения. Тексты из архива Л. И. Сем записаны Л. И. Сем и Ю. А. Семом в с. Булава в 1970-е гг. (расшифрованы автором с носителями ульчского языка в 2018 г.). Тексты из второй коллекции записаны и расшифрованы автором совместно с С. А. Оскольской в сс. Булава и Богородское Ульчского района в 2017—2018 гг. Тексты в двух выборках сопоставимы по жанру — это в основном сказки и рассказы о жизни. Коллекции сопоставимы по объему. Краткая суммирующая информация о текстовых коллекциях представлена в таблице 1².

most, if not all, of the elicited material will be distorted speech that has undergone certain processes of reduction, with the result that the original grammatical system of the former full speakers of the language under investigation will be accessible only by way of reconstruction.

² Достаточно большой объем текстов был собран также С. Кадзамой и экспедицией под рук. Е. Ю. Калининой в 1990—2000-е гг. Эти тексты хронологически занимают промежуточное положение между «ранними» и «поздними». Они в статье не рассматриваются.

Таблица 1. Используемые тексты

коллекция	г. р. носителей	объем (предложений)	источник
ранние тексты	с 1870 по 1920	5 026	[Петрова 1936; Суник 1985] и архивные записи Л. И. Сем
поздние тексты	с 1930 по 1960	5 780	записи автора 2017—2018 гг.

Из обеих коллекций были вручную извлечены сплошные выборки контекстов будущего времени. При отборе контекстов я неизбежно во многом ориентировалась на русский перевод. Включались контексты, переведенные на русский язык формами будущего времени (за исключением переносных употреблений без референции к будущему типа *А он, бывало, придет...*). Включались контексты с очевидной референцией к будущему, для которых в русском переводе были использованы модальные предикаты (*можно, нужно*) или инфинитивы, в т. ч. с частицей *бы* (*пойти бы*), задачи жестко разграничить модализованные и чисто футуральные контексты не ставилось. Не включались контексты, переведенные на русский язык формами императива. Исключены из выборки зависимые клаузы: как те, для которых в ульчском языке были использованы нефинитные формы (разные типы причастий и деепричастий в полипредикативных конструкциях), так и немногочисленные зависимые клаузы с финитными формами (условные). За пределами рассмотрения остались также отрицательные контексты (в которых в ульчском языке используется особый набор глагольных форм). Всего в выборку попало 597 примеров.

Во второй части исследования были использованы данные элицитации, полученные в 2017—2018 гг. в с. Булава от современных носителей ульчского языка. Носителям предлагалось (устно) перевести предложения с русского языка на ульчский. Допустимость альтернативных переводов специально не проверялась. Если носитель сам предлагал несколько вариантов перевода, записывались все, основным считался первый или же тот, который сам носитель указал как наиболее точный. В качестве стимулов были использованы предложения из типологической анкеты проекта EUROTYPE по футуральным значениям (Future Time Reference Questionnaire, всего в анкете 111 предложений), см. [Dahl 2000], а также 13 дополнительных предложений, составленных нами для уточнения результатов. В этой статье в рассмотрение вошли ок. 50 предложений от каждого носителя: не от всех носителей удалось собрать все предложения, не все предложения из анкеты EUROTYPE привлекались (например, не вошли в рассмотрение предложения со значением будущего в прошедшем). В работе анализируются данные от трех носителей — nvk (1946 г. р.), tsd (1937 г. р.) и gir (1934 г. р.). Разница в возрасте между носителями небольшая, для всех первым языком является ульчский, русского языка носители не знали до школы. При этом (чуть более старшие) носители gir и tsd, освоив русский, продолжали более или менее активно использовать ульчский язык, в т. ч. tsd продолжает общаться на нем в семье и на момент элицитации, а носитель nvk, по его словам, практически полностью перестал использовать ульчский язык уже в школьном возрасте.

От одного из носителей (tsd) дополнительно собраны данные по двум конкретным ключевым контекстам, выявленным для двух специализированных форм будущего времени. В качестве дополнительного материала привлекались предложения с формами будущего времени, полученные в ходе элицитации по другим темам — от тех же носителей и носителя aid (1931 г. р.). Отдельно проводилась элицитация полной глагольной парадигмы. От носителя nvk есть данные по шести глаголам, от носителя tsd — по двум глаголам, от носителя gir — по одному.

3. Глагольные формы с референцией к будущему

3.1. Инвентарь форм с референцией к будущему

В ульчском языке представлены две формы, претендующие на статус специализированных футуральных форм: на *-ilə* и на *-ŋə* — Будущее I и Будущее II в терминологии О. П. Суника [Суник 1985: 45].

Примеры (1) и (2) иллюстрируют употребление формы на *-ilə*:

- (1) *xal=də bi=də vse равно agbun-žu-la-s=ma=də*
 когда=EMPH быть.PRS=EMPH RUS RUS появляться-REP-FUT1-2SG=PTCL=EMPH
 ‘Как бы то ни было, все равно **появишься**’. (oab_20180709_nst_Skazka2PoMotivamKovra)

- (2) *tī puli-ktə-mdi mənə niksaz-ila,*
 так ходить-DISTR-CVB.SIM.DUR.SG сам подыхать-FUT1
məni bud-ə-s=də nī-wə māpi wā-wan-dila!
 сам умирать-CONNNEG-PRS.NEG=EMPH человек-ACC REFL убить-CAUS-FUT1
 ‘Так походит — сам **погибнет**, или же людей **заставит** себя **погубить!**’ (Петрова 1936: текст 2)

Факультативно форма на *-ilə* оформляется энклитической частицей *=mə*, см. пример (1). Суффикс *-ilə* используется также в сочетании с показателем прошедшего времени в контрфактических условных конструкциях (3), что делает более сложным вопрос о его статусе как чисто временного показателя (формы типа (3) в работе не рассматриваются).

- (3) *min ana bi-mčə-i, amba iqtə-du-ni b-ilə-xə-si*
 1SG без быть-SUBJ-1SG черт зуб-DAT-3SG быть-FUT1-PST-2SG
 ‘Если бы меня не было, в зубах злого духа **была бы ты**’. (Суник 1985: текст 7)

Употребление формы на *-ηə* показано в примере (4):

- (4) *nāā xawanči žižu əwəs žižu-ηə-s=tani*
 INTERJ откуда возвращаться.PRS сюда возвращаться-FUT2-2SG=a
 ‘Наа, откуда бы ни пришел, сюда **вернешься**’. (zojaplastina_SkazkaKamcildalBaturi)

В составе формы на *-ηə* почти всегда употребляется энклитическая частица *=təni* (как в (4)). Основная функция *=təni*, в которой частица присоединяется не к глаголу, а к его аргументам, — координативная (значения, сопоставимые со значениями русских *а, же, и*). Единственные встретившиеся употребления без *=təni* (два примера) содержат другую энклитику — вопросительную частицу *=nu*, см. (5):

- (5) *min iqtə-j aldan-du-n i-ηə-s=nu, xon t-i-s=nu?*
 мой зуб-1SG шель-DAT-3SG входить-FUT2-2SG=Q как делать-PRS-2SG=Q
 ‘{Когда мое время придет,} между моих зубов **пройдешь** или что сделаешь?’ (Суник 1985: текст 2)

Самостоятельно (без энклитики) форма на *-ηə* не употребляется.

Помимо форм на *-ilə* и *-ηə*, референцию к будущему может выражать ряд неспециализированных средств.

1) Формы презенса. В ульчском языке две презентных формы (далее Презенс 1 и Презенс 2, если упоминается «презенс» без пояснений, то имеются в виду обе формы). Нейтральной формой с референцией к настоящему является форма Презенса 1 (*-i*), форма Презенса 2 (*-rə*) употребляется очень редко и только в особых эмфатических контекстах.

Форма Презенса 1, помимо употреблений с референцией к настоящему, имеет широкий круг футуральных употреблений, см. пример (6):

- (6) *əl žižu-j əl žižu-j muruč-i-p=gun*
 вот.вот возвращаться-PRS вот.вот возвращаться-PRS думать-PRS-1PL=PTCL
 ‘Скоро **приедут**, скоро **приедут** — думаем’. (lpd_170726_nst_BioSluchajNaRybalke)

В футуральном контексте, наряду с презентным, зафиксирована и форма Презенса 2: в нашей выборке 5 таких употреблений, все только в ранних текстах, см. (7):

- (7) *ənaǰa, χaj-ri-s=qa, wən-di-n, mim-bə wā-ra-ti=da*
 ой.ой что-PRS-2SG=PTCL говорить-PRS-3SG 1SG-ACC убивать-PRS2-2SG=EMPH
 ‘Ой-ой, что же ты делаешь, — говорит (орел), — меня **убьешь** ведь’. (Суник 1985: текст 3)

2) Модальные и модализованные формы. Поскольку семантическая зона будущего тесно смыкается с модальной зоной, конкуренцию футуральным формам составляют модальные формы и формы с модальными оттенками значения.

2а) Форма имперсонала. Имперсональная форма (на *-wu*) в ульчском языке употребляется для выражения ситуаций с субъектом — нереферентным лицом или с субъектом — участником речевого акта (т. е. относится к R-имперсоналам в терминологии [Malchukov, Ogawa 2011]). Ульчский имперсонал имеет парадигму времен: он может употребляться с суффиксом претерита (имперсонал прошедшего времени) vs. с суффиксом презенса или, чаще, без временного суффикса (имперсонал настоящего времени). Имперсонал настоящего времени не употребляется в прогрессивных контекстах (т. е. с референцией к моменту речи: ‘По этой дороге идут’). Он либо оформляет хабитуальный контекст (‘По этой дороге ходят’), либо выражает какой-либо модальный оттенок (возможность, долженствование: ‘По этой дороге можно ходить / Нужно идти по этой дороге’), либо референцию к будущему, как в примере (8).

- (8) *goj-goj poqto-ki ηənə-wu*
 другой-другой путь-PROL идти-IMPS
 ‘По разным путям **пойдем**’. (Суник 1985: текст 2)

2б) Модальные предикаты и модальные аффиксы. Часть значений футуральной зоны может оформляться конструкциями с модальными предикатами (ср. *aja* ‘можно, хорошо’ в примере (9)) или с модальными аффиксами (ср. дезидератив *-jčə* в примере (10)).

(9) *tuə-wə tuə-lə-rə, žə-bdu-i uñurəžu-mi aja*
вода-ACC вода-VBLZ-CVB.NSIM есть-PURP-REFL варить-CVB.SIM.SG хорошо
‘Воды натаскавши, пищу **приготовим**’. (Петрова 1936: текст 7: 44)

(10) *kəwə, bolo nan xoto-du bi-jč-i-n*
нет осень 3SG город-DAT быть-DESID-PRS-3SG
‘{Твой брат собирается остаться здесь?} Нет, осенью он **будет жить** в городе’. (elicit., FTRQ, nvk)

2в) Семантически близки к футуральным императивные и околоимперативные формы. Их в ульчском языке несколько: две формы императива 2 лица (противопоставлены по временной дистанции), юссив (‘пусть он/они V’), гортатив (‘давайте V’). В наибольшей степени конкурирует с футуральными форма самопобуждения 1SG ‘сделаю-ка V’ на *-itə*, см. (11):

(11) *əpət-bə ŋāč-ita*
хлеб-ACC идти.за-IMP.1SG
‘Пойду за хлебом!’ (lpd_170726_nst_BioPoshlaVShkolu)

Из неспециализированных форм ниже обсуждается и включается в подсчеты только форма презенса: остальные либо низкочастотны, либо с жесткими морфосинтаксическими ограничениями (как форма имперсонала или форма самопобуждения — обе с ограничениями на лицо), либо близки, но не полностью семантически эквивалентны формам будущего времени.

В ульчском языке представлено «асимметричное» отрицание в терминологии М. Миестамо [Miestamo 2005]: отрицательная парадигма ни формально, ни семантически полностью не соответствует положительной. Список отрицательных форм, которые встречаются в футуральных контекстах, приведен в таблице 2, подробнее см. [Стойнова 2018].

Таблица 2. Отрицательная футуральная парадигма

положительная форма	отрицательный коррелят	комментарий
FUT1: <i>-ilə</i>	<i>əŋdə</i> V-CONNNEG do-FUT1	упомянута в [Петрова 1936: 65] и [Суник 1985: 49], но не встретилась в текстах
FUT2: <i>-ŋə</i>	V-CONNNEG ə-FUT2	не описана, но встретилась в текстах, только 2 лицо
PRS	синтетическая форма V-CONNNEG-NEG.PRS	используется с референцией к настоящему и будущему
	PRS <i>kəwə</i>	не описана, встретилась в текстах (и с презентной, и с футуральной интерпретацией)

Как видно из таблицы 2, для футуральных форм параллелизм между положительными и отрицательными формами довольно последовательный, однако функциональное и частотное распределение форм с референцией к будущему под отрицанием, по предварительным наблюдениям, отличается от распределения, представленного в аффирмативных контекстах. В связи с этим отрицательные формы в работе не обсуждаются, в подсчеты они также не включены (см. раздел 2).

3.2. Футуральные формы: морфология

В таблице 3а приведены алломорфы каждой из обсуждаемых в работе форм, см. подробнее [Петрова 1936: 56; Суник 1985: 45].

Выбор между вариантами с [ə] vs. [a] подчиняется общим для ульчского языка правилам сингармонизма по подъему: вариант с [ə] выбирается для основ с гласными верхней серии, вариант с [a] выбирается для основ с гласными нижней серии. Для формы на *-ilə* и форм презенса выбор варианта зависит от исхода основы. Вариант на гласный (*-i, -a~ə*) выбирается для основ, оканчивающихся на одиночный краткий гласный, при этом конечный гласный основы в большинстве случаев усекается (иногда усекается, наоборот, гласный суффикса). Вариант на *-r* выбирается для основ на долгий гласный или дифтонг /

Таблица 3а. Основные формы, используемые в футуральном контексте: морфология

формы	варианты показателя	гlossa
форма на <i>-ŋə</i>	<i>-ŋə, -ŋa</i> (+ энклитика)	FUT1
форма на <i>-ilə</i>	<i>-ilə(n), -ila(n), -rilə(n), -rila(n), -dilə(n), -dila(n), -tilə(n), -tila(n)</i>	FUT2
форма Презенса 1	<i>-i (-j), -ri, -di, -ti</i>	PRS
форма Презенса 2	<i>-ə(n), -a(n), -rə(n), -ra(n), -də(n), -da(n), -tə(n), -ta(n)</i> ³	PRS2

стечение гласных (в Презенсе 2 в части лично-числовых форм также для основ на краткий гласный). Вариант на *-d* выбирается для основ на *-n*, вариант на *-t* — для основ на *-p*.

В словоформе показатель времени следует за словообразовательными показателями (аспектуальными, модальными, показателями актантной деривации), за показателем времени следуют лично-числовые показатели. Один набор лично-числовых показателей сочетается с формой на *-ŋə* и Презенсом 1, другой — с формой на *-ilə* и Презенсом 2. Первый набор — основной: он же употребляется в форме претерита. Второй — более маргинальный: он употребляется только с этими двумя редкими формами. В таблице 3б оба набора даны в том виде, в котором они представлены в грамматическом очерке О. П. Суника [1985: 45].

Таблица 3б. Лично-числовые показатели в формах с футуральной семантикой

	SG		PL	
	PRS1, <i>-ŋə</i>	PRS2, <i>-ilə</i>	PRS1, <i>-ŋə</i>	PRS2, <i>-ilə</i>
1		<i>-i~bi</i>	<i>-pu</i>	<i>-mu</i>
2	<i>-si</i>	<i>-ti</i>		<i>-su</i>
3	<i>-ni</i>	<i>-∅</i>	<i>-ti</i>	<i>-l</i>

Из таблицы 3б видно, что наборы лично-числовых маркеров различаются в 1 лице мн. ч., во 2 лице ед. ч. и в 3 лице в обоих числах. При этом показатель 2SG из второго набора совпадает с показателем 3PL из первого набора. На самом деле в 1⁴ и во 2 лице различие более отчетливое, чем в 3 лице (в обоих числах) лично-числовой показатель часто опускается, так что формы, требующие разных наборов лично-числовых показателей, могут на поверхностном уровне не различаться.

3.3. Отличия и параллели в нанайском и других тунгусо-маньчжурских языках

Как упоминалось выше, грамматика ульчского языка очень незначительно отличается от грамматики близкородственного нанайского. При этом именно в футуральной зоне отличия более заметны, чем в среднем.

Нанайские показатели будущего времени подробно описаны в грамматике В. А. Аврорина, см. [Аврорин 1961: 109 ff., 118 ff.]. Основной формой будущего времени является форма с суффиксом *-ʒə*, аналога которой в ульчском языке нет. С другой стороны, в нанайском языке нет эквивалента ульчской футуральной формы на *-ilə*. Что касается второй ульчской футуральной формы, на *-ŋə*, ее когнат зафиксирован в нанайском языке, однако к собственно футуральной зоне он не относится: в грамматике В. А. Аврорина он, например, описан как «желательное наклонение». Различия между нанайским и ульчским языком суммируются в таблице 4.

Таблица 4. Футуральные формы в ульчском и нанайском языках

	ульчский	нанайский
<i>-ilə</i>	+	—
<i>-ŋə</i>	+	(«желательное наклонение»)
<i>-ʒə</i>	—	+

³ Этимологический *-n* в будущем на *-ilə* и в Презенсе 2 (приводимый в таблице 3а в скобках) проявляется только перед показателем 1SG (*-i~bi*) и реализуется (по более общим правилам) как *-m*: *-iləm-bi, -rəm-bi*.

⁴ В 1 лице мн. ч., однако, показатели различаются только в правобережном говоре ульчского языка (с носителями которого мы работали), а в левобережном в обоих случаях используется один и тот же показатель *-mi*.

Показатель *-ŋə* имеет параллели и в других тунгусо-маньчжурских языках. Во многих языках: удэгейском, ороцком, эвенском, эвенкийском, негидальском — есть форма будущего времени *-žəŋə* (*-d'ija*, *-žiga*), предположительно восходящая к сочетанию *-žə* и *-ŋə*. Этимология самого суффикса *-ŋə* не до конца понятна. О. П. Суник связывает его с общетунгусскими именными посессивными суффиксами: в ульчском языке это суффикс принадлежности *-ŋgu* (*min dāda-ŋgu-i* [1SG бабушка-POSS-1SG] ‘моя бабушка’) и предикативный посессивный суффикс *-ŋgi* (*mi-ŋgi* [1SG-PRED.POSS] ‘мой (предикативная позиция)’) [Суник 1962: 236].

Показатель, когнатный ульчскому *-ilə*, выражает будущее время также в ороцком языке (уильта). Что касается происхождения *-ilə*, Т. И. Петрова [1936: 51] предполагает, что он состоит из двух компонентов — показателя Презенса 1 *-i* (на что указывает сходство их алломорфов, см. раздел 3.2) и элемента *-lə*, этимология которого не до конца понятна. Возможно, он имеет общее происхождение с общетунгусским суффиксом долженствования (который в ульчском языке также представлен и имеет форму *-žilə*). Подробнее о показателях будущего времени в тунгусо-маньчжурских языках в сопоставительной и исторической перспективе см. [Суник 1962: 235—237, 328—334].

4. Морфология: выбор лично-числового показателя в форме на *-ilə*

В этом разделе с точки зрения языкового сдвига я кратко рассмотрю один сюжет, связанный с морфологией. Выше (в разделе 3.2) было сказано, что форма на *-ilə* и форма на *-ŋə* сочетаются с разными наборами лично-числовых показателей: форма на *-ŋə* — с основным, а форма на *-ilə* — с особым. Наблюдения за речью современных носителей как будто бы свидетельствуют о процессе выравнивания парадигмы, характерном для ситуации языкового сдвига. Форма на *-ilə* встречается в их речи с более частотными лично-числовыми показателями из основного набора. Так, в (12) (=1) употреблен показатель 2SG *-si* из основного набора, а не ожидаемый показатель *-ti*.

(12) *все равно agbun-žu-la-s=ma=də*
 RUS RUS появляться-REP-FUT1-2SG=PTCL=EMPH
 ‘Все равно появишься!’ (oab_20180709_nst_Skazka2PoMotivamKovra)

Однако данные ранних текстов показывают, что уверенно объяснять наблюдаемую картину, апеллируя к языковому сдвигу, нельзя.

В таблицах 5а и 5б приведены данные элицитации от современных носителей — информация о выборе показателя в предложениях на перевод с русского языка (таблица 5а) и при элицитации парадигмы (Таблица 5б). Данные таблицы 5а — более фрагментарные, но более естественные, данные таблицы 5б — возможно, менее естественные, но более полные.

Таблица 5а. Лично-числовые показатели в форме на *-ilə*: элицитация
 (перевод предложений: носители nvk, tsd, gip и aid)

	SG		PL	
	основной набор	набор, ожидаемый для <i>-ilə</i>	основной набор	набор, ожидаемый для <i>-ilə</i>
1	<i>-i~bi</i> : 4 (+ 8 на $-Ø=mə$)		<i>-pu</i>: 3	<i>-mu</i> : нет
2	<i>-si</i>: 6	<i>-ti</i> : нет		<i>-su</i> : 1
3	<i>-ni</i> : нет	$-Ø$: 27	<i>-ti</i> : нет	<i>-l</i> : нет (1 на $-Ø=mə$)

Таблица 5б. Лично-числовые показатели в форме на *-ilə*: элицитация парадигмы (носители nvk, tsd и gip)

	SG	PL
	1	nvk (6), tsd (2), gip (1): без $=mə$ → <i>-i~bi</i> , $=mə$ → $-Ø$
2	nvk (6), gip (1): <i>-si</i> tsd (2): <i>-ti</i> , <i>-si</i>	nvk (6), tsd (2), gip (1): <i>-su</i>
3	nvk (6), tsd (2), gip (1): $-Ø(=mə)$	nvk (6), gip (1): без $=mə$ → <i>-ti</i> , $=mə$ → $-Ø$ tsd: без $=mə$ → $^? -ti$ / $^? -Ø$, $=mə$ → $-Ø$

*В таблице указан код носителя и в скобках количество глаголов, для которых проводилась элицитация.

Два набора лично-числовых показателей различаются во всех формах, кроме 1SG и 2PL. В форме 1PL последовательно выбирается показатель из основного набора, а не из ожидаемого для *-ilə*. В форме 2SG также предпочитается показатель из основного набора (*-si*). Только он встретился у всех носителей в переводах с русского, а при элицитации парадигмы только один носитель использовал ожидаемый для *-ilə* показатель *-ti* для одного глагола, остальные два последовательно использовали *-si*. Форма 3SG соответствует ожидаемой — с нулевым показателем: показатель из основного набора *-ni* в ней не употребляется (заметим при этом, что в формах, требующих стандартного набора лично-числовых показателей, в 3 лице они часто опускаются). Форма 3PL представлена почти исключительно данными элицитации парадигмы. Ожидаемый для *-ilə* показатель *-l* в ней не используется: используется либо показатель из основного набора *-ti*, либо, если форма сопровождается клиткой *=mə*, нулевой показатель (употребление клитки *=mə* описано ниже в отдельном разделе 5.4). Таким образом, используемый набор показателей действительно оказывается смешанным, см. резюмирующую таблицу 5в.

Таблица 5в. Лично-числовые показатели в форме на *-ilə*: элицитация (обобщение)

	SG	PL
1	(показатели совпадают)	из основного набора
2	из основного набора (носитель tsd: колебание)	(показатели совпадают)
3	из набора на <i>-ilə</i> ($-\emptyset$)	из основного набора (носитель tsd: колебание) // 3SG

В таблице 6 приведено распределение лично-числовых показателей в ранних и поздних текстах.

Таблица 6. Лично-числовые показатели в форме на *-ilə*: данные текстов

	SG		PL	
	основной набор	набор, ожидаемый для <i>-ilə</i>	основной набор	набор, ожидаемый для <i>-ilə</i>
1	<i>-i~bi</i> : 19 (+4 $-\emptyset$) 1		<i>-pu</i> : 2 (+1 $-\emptyset$) 1	<i>-tu</i> : нет нет
2	<i>-si</i> : 19 (+1 $-\emptyset$) 2	<i>-ti</i> : 17 нет		<i>-su</i> : 2 1
3	<i>-ni</i> : нет нет	$-\emptyset$: 20 3	<i>-ti</i> : нет нет	<i>-l</i> : нет нет

* Для каждого показателя указано: количество в ранних текстах || количество в поздних текстах.

** В ячейках «2SG» и «3SG» учтены, в частности, формы SG с референцией к множественному участнику и невыраженным субъектом или субъектом в форме SG. Контекстов с субъектом, оформленным показателем PL (который в ульчском языке факультативен), не встретилось.

Данных по поздним текстам слишком мало, имеющиеся не противоречат данным элицитации. Интереснее посмотреть на данные ранних текстов. Из таблицы 6 видно, что не только в речи современных носителей, но и в речи старшего поколения засвидетельствован показатель 2SG из основного набора *-si*: в ранних текстах ожидаемый *-ti* и *-si* встретились в равной пропорции. В 1PL, как и у современных носителей, встретился показатель из основного набора *-pu* (а упоминаемый в очерках *-tu* не встретился ни разу, но это может объясняться недостатком данных). Данных по показателю 3PL, к сожалению, нет.

В таблице 7 сопоставлены старые (текстовые) данные и новые (данные текстов и элицитации).

Таблица 7. Лично-числовые показатели в форме на *-ilə*: старые и новые данные

	SG	PL
1	(показатели совпадают)	старые: из основного набора ~ ? из ожидаемого набора новые: из основного набора
2	старые: из основного ~ ожидаемого набора (конкуренция) новые: преимущественно из основного набора	(показатели совпадают)
3	старые, новые: из ожидаемого набора	старые: нет данных новые: из основного набора

Таким образом, говорить, что смешанный набор показателей появляется в парадигме будущего на *-ilə* вследствие языкового сдвига, нельзя. Показатели 2SG и 1PL из основного набора фиксируются в ней уже в ранних текстах наряду с ожидаемыми. Употребление показателя 3PL из основного набора, возможно, действительно является инновацией, однако надежных свидетельств этому нет. Практически полное вытеснение ожидаемого показателя 2SG *-ti* показателем из основного набора *-si* связать с языковым сдвигом можно, но это не новый процесс, а продолжение процесса, уже наметившегося в языке.

5. Семантика: специализированные формы и формы презенса в футуральной зоне

В этом разделе я рассматриваю распределение специализированных и неспециализированных форм в футуральной семантической зоне. В разделе 5.1 проанализировано количественное распределение форм в ранних текстах и в текстах от современных носителей. В разделах 5.2 и 5.3 обсуждается круг функций каждой из используемых форм: в 5.2 — на материале текстов, в 5.3 — по данным элицитации с современными носителями. Отдельный раздел 5.4 посвящен двум типам употреблений одной из футуральных форм — на *-ilə* — независимым и в сопровождении клитики *=mə*.

5.1. Данные текстов: микродиахронические изменения

Для ранней и поздней коллекций текстов я сравнила количество употреблений презенса, формы на *-ilə* и формы на *-ŋə* в футуральных контекстах (см. выше в разделе 2 о том, какие контексты включены vs. не включены в рассмотрение). Распределение показано в таблице 8.

Таблица 8. Соотношение специализированных показателей и показателя презенса в футуральной зоне: данные ранних vs. поздних текстов

	ранние тексты		поздние тексты		2-tailed exact Fisher's test
	N	%	N	%	
PRS1, PRS 2	156	60,00%	66	89,19%	p < 0,0001
<i>-ilə</i>	85	32,69%	8	10,81%	
<i>-ŋə</i>	19	7,31%	0	0,00%	
всего	260	100,00%	74	100,00%	

Общее частотное соотношение форм не меняется. И в ранних, и в поздних текстах наиболее употребительна форма презенса и менее употребительны — специализированные формы, из них частотнее форма на *-ilə*, см. (13):

$$(13) \text{ PRS} > -ilə > -ŋə$$

При этом разница в частотности форм увеличивается. В поздних текстах доля форм презенса значимо выше, чем в ранних, т. е. специализированные формы вытесняются неспециализированной. Форма на *-ilə* становится менее частотна, а форма на *-ŋə* не встретилась в текстах ни разу. При этом современными носителями она все же опознается и фиксируется в элицитированных данных в некоторых особых контекстах (см. раздел 5.3 ниже).

Из таблицы 8 также видно общее уменьшение доли контекстов с референцией к будущему в поздних текстах по сравнению с ранними. Более отчетливо эта тенденция показана в таблице 9, в которой представлено общее количество футуральных контекстов (а не только контексты употребления презенса и специализированных форм).

Таблица 9. Футуральные контексты: данные по двум временным срезам

тексты	N футуральных контекстов	% от общего числа предложений
ранние	457 (из 5 026 предл.)	9,09%
поздние	140 (из 5 780 предл.)	2,42%

Как отмечалось в разделе 2, жанровый состав текстовых коллекций более-менее сходный: сказки и легенды, рассказы о себе, о прошлом и традиционной жизни. В поздних текстах несколько меньше фольклорных текстов, для которых футуральные контексты характернее, чем для рассказов о прошлом.

Можно связать уменьшение количества футуральных контекстов и с упрощением текстов. Сказки, записанные от современных носителей, не исполняются в традиционной манере, а скорее представляют собой краткий пересказ сюжета. В них, в частности, меньше диалогов между персонажами, в которых референция к будущему особенно ожидаема.

5.2. Данные текстов: семантика

В этом разделе на материале текстов последовательно анализируются функции каждого из основных показателей, используемых в футуральной зоне: формы на *-ilə*, формы на *-ŋə* и презенса. Заметных различий между ранними и поздними текстами на этом уровне выявить не удастся. Описание в большей степени ориентировано на старые тексты (в которых встретилось больше употреблений специализированных форм будущего времени, см. раздел 5.1). В качестве иллюстративных примеров приведены фрагменты и из ранних текстов, и из поздних; для всех обсуждаемых примеров из поздних текстов в ранних текстах обнаружены очень похожие.

1. Форма на *-ilə*

В очерке [Петрова 1936: 56] о форме на *-ilə* сказано, что она «показывает на несомненную осуществимость действия в будущем». Такая формулировка, однако, нуждается в уточнении, ср. примеры (14а) и (14б) с контекстом условия⁵:

- (14) а. *ti-ži ase-la-xa-s osin,*
 тот-INS жена-VBLZ-PST-2SG если
ču ulən-ži kəs-ču b-ilə-si=əmdə baraču-m
 SUPERL хороший-ADV удача-PROPR быть-FUT1-2SG=QUOT радоваться-CVB.SIM.SG
 ‘Если бы ты на ней женился, **был бы очень удачливым**, радовался бы’.
 (oab_171117_nst_SkazkaDevushkaITsarj)
- б. *si mąga mągə bi-wu b-i-ni, ulənguži tā-s-ilə-si*
 2SG сильный молодец быть-IMPS быть-PRS-3SG хорошо сестра-IPFV-FUT1-2SG
aldaksi mągə bi-wu b-i-ni, min tinda-ž-i-ži gəsə-gəsə tuk-ilə-si
 слабый молодец быть-IMPS быть-PRS-3SG 1SG отпускать-REP-PRS-INS вместе-вместе падать-FUT1-2SG
 ‘Если ты сильный богатырь, хорошо **сидеть будешь**. Если ты слабый богатырь, как только отпущу (собак), **свалишься**’. (Суник 1985: текст 2)

В (14а) описан сон персонажа, в котором ему рассказывают, что на той стороне моря живет девушка-замарашка, персонажу предлагают отыскать ее и жениться на ней. О несомненной осуществимости ситуации ‘быть удачливым’, выраженной формой на *-ilə*, здесь говорить сложно. Отдельно стоит отметить, что протасис условной конструкции в (14а) выражен формой прошедшего времени: она обычно используется не в реальных условиях, а в контрфактических или нереальных. Использование прошедшего времени в (14а) указывает на то, что перед нами, видимо, нереальное условие, т. е. задаваемая им ситуация ‘быть удачливым’ может быть реализована, но маловероятна. Формулировку Т. И. Петровой к примерам типа (14) и многим подобным применить можно, но с важным уточнением — действие несомненно осуществимо в случае выполнения располагающих к нему условий: ‘обязательно будешь счастлив, при условии что женишься’, ‘обязательно будешь сидеть хорошо, при условии, что ты хороший богатырь’.

Анализируя текстовые употребления, можно сказать, что форма на *-ilə* обслуживает контексты эпистемической возможности и более широкий круг контекстов, предполагающих связь ситуации в будущем с введенными в рассмотрение предпосылками. Для употребления формы на *-ilə* важнее всего именно обусловленность будущей ситуации.

Очевидно модализованные контексты (эпистемическая возможность) иллюстрируются примером (15), который неслучайно переведен на русский язык с помощью глагола *может*.

- (15) *sām, nōm t-ila, ti ta-oča-ni, əži žapa-ra*
 краснея синяя делать-FUT1 так делать-COND-3SG PRON брат-CONNNEG
 ‘**Может** красным (или) синим **сделаться**, когда так сделается, не бери’. (Суник 1985: текст 7)

⁵ Особенно отчетливо это видно в примере (14а), который взят из современного текста: можно было бы предположить, что дело в семантическом изменении, произошедшем с момента описания Т. И. Петровой. Однако похожие примеры обнаруживаются и в ранних текстах, см. (14б).

В (15) речь о водке, которую враг нальет герою перед боем. Есть вероятность, что водка отравлена (предпосылка), тогда дно рюмки может изменить цвет (эпистемическая возможность). К примерам типа (15) формулировка о «несомненной осуществимости в будущем», как кажется, совсем неприменима.

Форма на *-ilə* употребляется в аппрехенсивном контексте (контексте опасения), ср. (16), (17):

(16) *gə, bala, mərgə, ɲən-u-ru turgən-ʒi, min xoʃuru-wa-j iŋda bujal-ila*
 вот скоро молодец идти-REP-IMP быстрый-ADV 1SG столб-ACC-1SG собака ломать-FUT1
 ‘Эй, быстрее, молодец, уходи скорей, а то мой столб (для привязи) собаки **сломают**’. (Суник 1985: текст 7)

(17) *gə, ulən ū-ru, min tinda-wča-j guči tuk-ilə-si*
 вот хороший садиться-IMP 1SG выпускать-COND-1SG опять падать-FUT1-2SG
 ‘Ну, хорошо усаживайся! Когда я отпущу (зайца), еще **упадешь**, пожалуй’. (Суник 1985: текст 7)

Она часто встречается в аподосисе условной конструкции, ср. (18) и (14), (17) выше:

(18) *bud-i očin=də ti nā-du bud-ilə-m=əmdə*
 умирать-PRS.1SG если=EMPH так земля-DAT умирать-FUT1-1SG=QUOT
 ‘Если умру, так хоть на земле **умру**, говорит’. (tsd_171112_nst_SluchajMedvedj)

Футуральные контексты разделяют на две большие зоны — будущее предсказания (говорящий делает предположение о ситуации в будущем) и будущее намерения (субъект намеревается совершить действие в будущем), см. классификацию [Dahl 2000]. По примерам выше создается ощущение, что форма на *-ilə* тяготеет к контекстам предсказания, ср. примеры выше, а также (19).

(19) *gə, tawanči ɲənə-mdi, umu biru-wə bak-ila-ti*
 вот оттуда идти-CVB.SIM.DUR.SG один город-ACC находить-FUT1-2SG
 ‘Оттуда идя да идя, один город **найдешь**’. (Суник 1985: текст 7)

Контексты обусловленности и предсказания действительно смыкаются: предсказание делается говорящим на основании предпосылок будущей ситуации в настоящем. Но для формы на *-ilə* важна именно обусловленность (‘если пойдешь (в указанном направлении), то найдешь’). Это показывают примеры типа (20) со значением намерения, которые также встречаются в текстах.

(20) *əʒənə, bi xāl=da, siksə si, piktə-wə, sulid-ilə-mpi!*
 подожди 1SG когда=EMPH вечер 2SG ребенок-ACC подшучивать-FUT1-1SG
 ‘Подожди, я как-нибудь вечером над тобой, ребенком, **подшучу!**’ (Петрова 1936: текст 1)

Более широкий контекст примера (20) — ‘подшучу над тобой за то, что ты себя так ведешь’. Использование формы на *-ilə* связано тут, видимо, как и в предыдущих примерах, с идеей обусловленности, которая значению намерения логически не противоречит.

В приведенных выше примерах форма на *-ilə* не сопровождается частицей *=mə*. О распределении употреблений с частицей vs. без частицы *=mə* см. в отдельном разделе 5.4.

2. Форма на *-ɲə*

В грамматическом очерке [Петрова 1936: 56] сообщается, что форма на *-ɲə* «указывает как бы на пожелание совершить в будущем указанное действие». О. П. Суник [1985: 45] постулирует для нее «значение побуждения совершить действие (‘да поест-ка он’)».

Анализ употреблений формы на *-ɲə* в текстах (как было указано выше, она встретилась только в ранних текстах) позволяет уточнить ее семантику следующим образом. В целом можно сказать, что форма на *-ɲə* употребляется в контекстах, где говорящий соглашается с ожидаемым ходом событий, разрешает его или регламентирует. Можно описать это в терминах классификации отношений между локуторами, предложенной в [Храковский, Володин 1986] для описания императивов. «Субординация» между локуторами такова, что а) говорящий выше адресата и б) «заинтересованность» в ситуации не говорящего.

Есть употребления с отчетливым оттенком деонтической возможности (согласие, разрешение), ср. примеры (21), (22).

(21) *gə, geoxato, əsi si min orun-du-j əʒə o-ɲa-s=tani*
 вот бродяга здесь 2SG 1SG вместо-DAT-1SG царь стать-FUT2-2SG=a
 ‘Ну, бродяга, теперь ты вместо меня царем **станешь**’. (Суник 1985: текст 12)

- (22) *aja, b̄u dolbo ŋāča-ŋa-p=tani*
хорошо 1PL ночь идти.за-FUT2-1PL=a
'Ладно, мы ночью **пойдем возьмем**'. (Суник 1985: текст 12)

Применительно к (21) можно говорить о разрешении, в (22) — о согласии.

Встретились употребления формы на *-ŋə* в инструктивном контексте, ср. (23):

- (23) *min piču-wčə-i, aŋma-j turgə žip ta-ŋa-s=tani, tara mim-bə luŋbə-səri*
1SG прыгать-COND-1SG рот-REFL.SG быстро плотно делать-FUT2-2SG=a потом 1SG-ACC глотать-IMP.DIST
'Когда я прыгну, рот свой быстро плотно **закроешь**, затем меня проглоти'. (Суник 1985: текст 7)

Некоторые употребления формы на *-ŋə* можно характеризовать как употребления в расширенном инструктивном контексте. В этом случае говорящий информирует адресата об ожидающих его событиях, которые в той или иной степени связаны с будущими действиями самого адресата. Ср. примеры (24) и (25):

- (24) *əw-žur-ə, dāi xagdum-ba anž-u,*
спускаться-REP-CVB.NSIM большой дом-ACC строить-IMP
bi sin xami-ki-si ərkə əw-žur-ŋə-j=tani
1SG 2SG сзади-PROL-2SG тихо спускаться-REP-FUT2-1SG=a
'Вернувшись, большой дом построй, я после тебя (следом за тобой) потихоньку тоже **приду**'. (Суник 1985: текст 10)

- (25) *gə, naužakan, mim-bi xoru-ru, sini xoru-(u)čə-si, sin-du ajsi-la-ŋa-i=tani*
вот мальчик 1SG-ACC спасать-IMP 2SG спасать-COND-2SG 2SG-DAT золото-VBLZ-FUT2-1SG=a
'Ну, парнишка, меня спаси. Когда спасешь, я тебя **отблагодарю**'. (Петрова 1936: текст 4: 27)

В (24) говорящий дает адресату указание построить дом (форма императива) и сообщает о том, что придет в этот дом (форма на *-ŋə*). В (25) говорящий просит спасти его (императив) и сообщает, что за этим последует благодарность (форма на *-ŋə*).

Склонность формы на *-ŋə* к контекстам, для которых ключевым оказывается взаимодействие между локуторами, объясняет асимметрию, которая наблюдается в частотности разных лиц, см. (26):

- (26) 2p (13) > 1p (6) > 3p (0)

Употреблений в 3 лице для формы на *-ŋə* не встретилось совсем, более частотны употребления во 2 лице (контексты типа (21), (23)), менее — в 1 лице (это контексты типа (22), (24) и (25)).

Контексты употребления форм на *-ŋə* и на *-ilə* пересекаются, ср. пример (27) с инструктивным контекстом и пример (28) с контекстом согласия.

- (27) *Gə, am, əwənči ti n̄p-, ti ŋən-ilə-si*
вот сынок отсюда так выходить-CVB.COND так идти-FUT1-2SG
'Ну, сынок, отсюда как выйдешь, так и **пойдешь**'. (Суник 1985: текст 2)

В (27) форма на *-ilə* использована не потому, что говорящий дает адресату инструкцию (объясняет дорогу), как ожидалось бы для формы на *-ŋə* (ср. пример (23) выше). Как и в других случаях (описанных выше), на первый план выходит, видимо, предпосылка ситуации: 'если выйдешь отсюда в таком-то направлении, то дальше нужно идти в том же'.

- (28) *gə, aja ja-ila-m sun-du, s̄uə min-ti b̄u-ru-ksu mama t̄ətu-wə-n,*
вот ладно шаманить-FUT1-1SG вы-DAT вы я-LAT давать-IMP-IMP.PL старуха халат-ACC-3SG
bi ti-wa t̄ətu-m ja-ila-m
я тот-ACC надевать-CVB.SIM.SG шаманить-FUT1-1SG
'Ну, ладно, я **пошаманю** у вас. Вы мне дайте старухин халат. Я надену и **пошаманю**'. (Петрова 1936: текст 1)

В (28) форма на *-ilə* 'пошаманю' встречается дважды: в первом употреблении она как будто бы указывает на согласие говорящего с адресатом, как форма на *-ŋə* (ср. (22) выше), однако говорящий повторяет ее второй раз, предваряя комментарием 'дайте старухин халат'. С этим уточнением форму можно интерпретировать как выражающую обусловленность 'если дадут старухин халат, пошаманю'. Если посмотреть на более широкий контекст, оказывается, что эта обусловленность — центральная для сюжета: главный герой синица специально приходит к лисицам под видом шамана, чтобы обманом забрать у них халат. Поэтому и в первом употреблении *jailam* следует, видимо, интерпретировать как 'пошаманю, но не просто так, а с условием'.

Говоря о конкуренции форм на *-ηƏ* и на *-ilƏ*, можно также обратить внимание на приведенные выше примеры (24) и (25), в которых употребление формы на *-ηƏ* я интерпретировала как связанные с расширенным контекстом инструкции. В этих примерах с очевидностью присутствует обусловленность ('построй дом — и я приду', 'когда спасешь, я отблагодарю'), так что еще это одна точка, где пересекается круг употреблений форм на *-ilƏ* и на *-ηƏ*.

3. Презенс

Презентная форма выступает в самых разных футуральных контекстах, никакой отчетливой семантической доминанты для нее на первый взгляд не обнаруживается. Ниже приведено несколько семантически разнородных иллюстративных примеров, подобными контекстами круг употреблений презентной формы не ограничивается.

В (29) форма презенса употреблена в контексте будущего предсказания: делается прогноз о будущем на основании предпосылок в настоящем. В частности, в (29а) это контекст близкого будущего (ср. *alə* 'вот-вот').

- (29) а. *tawa, ti tawa is-i-n, alə is-i-n*
огонь тот огонь достигать-PRS-3SG вот.вот достигать-PRS-3SG
'Огонь, огонь вот-вот **подойдет**, вот-вот **подойдет!**' (lpd_171118_nst_SluchajMatjShlaIzBogorodska)
- б. *sin dūč-i-s turgun-dulə-ni mūn xotom-ba-pu čupal āmb-i-ni*
2SG долбить-PRS-2SG причина-LOC-3SG 1PL город-ACC-1PL весь затапливать-PRS-3SG
'Из-за того, что ты долбишь, наш город совсем **затопит**'. (Суник 1985: текст 12)

В (30) форма презенса выражает будущее намерения. В частности, в (30б) одна из его конкретных разновидностей — будущее запланированное:

- (30) а. *bi əj-səl-bə argāl-i*
1SG этот-PL-ACC обманывать-PRS.1SG
'Я их (этих великанов) **обману**'. (Суник 1985: текст 5)
- б. *bi xəji ηən-i-i, sū mənə ηənə-ksu*
1SG вниз.по.течению идти-PRS-1SG 1PL сам идти-IMP.PL
'Я вниз **поеду**. Вы сами (без меня) **поезжайте**'. (Суник 1985: текст 15)

В (31) форма презенса употреблена в условной конструкции, выражающей реальное условие, — и в протасисе, и в аподосисе.

- (31) *su guč min piktə-səl, əsi ta-mi*
2PL опять 1SG ребенок-PL сейчас делать-CVB.SIM.SG
buta-ηda-m ηən-i-s osin, kət dirgam-ba bā-ri-so!
рыбачить-MPURP-CVB.SIM.SG идти-PRS-2PL если очень добыча-ACC находить-PRS-2PL
'А вы, мои дети, с этих пор, если **пойдете** на рыбалку, большой улов **получите!**'
(ipr_171115_nst_LegendaRosugbuDudinskije)

Контексты близкого будущего, как в (29а) и в (30б), типологически характерны для форм настоящего времени (ср., например, русск. *Я еду вниз*, возможное в контексте (30б)). Однако, как показывает пример (31) с нереферентным контекстом ('будете получать большой улов каждый раз, когда пойдете на рыбалку') или пример (32) ниже, употребление ульчского презенса значительно шире.

- (32) *tara ti nāngu-xa ŋī-du piqtə-i bū-ri*
потом тот отгадывать-PST человек ребенок-REFL.SG давать-PRS
'И тому человеку, который отгадает, свою дочь **отдаст**'. (Суник 1985: текст 5)

В примере (32) с очевидностью имеется в виду не близкое будущее: неизвестно, когда найдется и найдется ли человек, который отгадает загадку, и отдаст ли персонаж (царь) свою дочь замуж.

Примеры (33) и (34) (а также (31), (32)) показывают, что презенс употребляется в том числе и в контекстах, где можно было бы ожидать форм на *-ηƏ* и на *-ilƏ*:

- (33) *bak-i aja*
находить-PRS.1SG хорошо
'**Найду**, ладно'. (Суник 1985: текст 7) — контекст согласия, конкуренция с формой на *-ηƏ*

- (34) *bi pargan nī, bi puč-i-i!*
 1SG смелый человек 1SG прыгать-PRS-1SG
 ‘Я смелый человек, я прыгну’. (Петрова 1936: текст 2) — контекст обусловленности, конкуренция с формой на *-ilə*

Семантические наблюдения, сделанные на материале текстов, можно обобщить следующим образом. Распределение специализированных футуральных показателей в ульчском языке строится не вокруг центрального для футуральной зоны противопоставления будущего намерения vs. предсказания (см. [Dahl 2000]). Конкурирующие показатели выбираются на разных основаниях, поэтому контексты употребления не взаимоисключающие.

Обе специализированные формы — с отчетливыми модальными оттенками, а не нейтральные формы с референцией к будущему. Интересно, что это не те модальные значения, из которых обычно развивается значение будущего времени (желание, долженствование, способность и др.), а такие, которые обычно развиваются как вторичные значения футуральных маркеров. В (35) показана классификация стадий семантического развития футуральных показателей из [Bybee et al. 1991; 1994] (четыре стадии FUTAGE 1 ... FUTAGE 4 от более ранней к более поздней), с ней соотнесены значения ульчских форм.

- (35) agent-oriented modality ↔ FUTAGE 1, FUTAGE 2
 neutral ↔ FUTAGE 3 (PRS)
 epistemic-oriented modality ↔ FUTAGE 4 *-ilə*
 speaker-oriented modality ↔ FUTAGE 4 *-ŋə*

В соответствии с типологическими наблюдениями Дж. Байби и др., на ранних стадиях грамматикализации футуральных показателей обычно наблюдаются значения модальности, ориентированной на агенса (например, значения типа ‘уметь’, ‘иметь способность к’). Значения эпистемической модальности (‘быть вероятным’ и под.), как у *-ilə*, и модальные значения, связанные с участниками речевого акта, как у *-ŋə*, наоборот, склонны развиваться как вторичные значения будущего времени на поздних стадиях.

Не удается обнаружить существенных семантических различий в употреблении форм будущего времени между ранними текстами и поздними (в связи с этим выше все текстовые данные обсуждаются без разделения по периодам). Это может быть связано просто с низкой частотностью футуральных форм в поздних текстах: форма на *-ilə* в них встречается редко, а форма на *-ŋə* не встретилась вовсе. Чтобы уточнить, как футуральные формы распределены в речи современных носителей, ниже я привлекаю данные элицитации.

5.3. Данные элицитации

В этом разделе обсуждаются данные элицитации — от двух носителей с более активным ульчским (*gip* и *tsd*) и одного носителя с более пассивным ульчским (*nvk*), см. раздел 2. Общее распределение показателей, использованных тремя носителями при переводе предложений с референцией к будущему на ульчский язык, показано в таблице 10.

Таблица 10. Распределение показателей в футуральной зоне: данные элицитации

	gip (1934)		tsd (1937)		nvk (1946)	
PRS	13	41,94%	20	51,28%	27	58,70%
<i>-ŋə</i>	1	3,23%	1	2,56%	0	0,00%
<i>-ilə</i>	9	29,03%	8	20,51%	4	8,70%
прочее*	8	25,81%	10	25,64%	15	32,61%
всего	31	100,00%	39	100,00%	46	100,00%

* Не включены: императив, имперсонал, дезидератив, модальные глаголы.

Данные таблицы 10 показывают, что оба специализированных футуральных маркера — *-ilə* и *-ŋə* — опознаются носителями старшего поколения и употребляются при переводе с русского в некоторых специальных контекстах, в т. ч. для формы на *-ŋə* это всего один контекст из всей футуральной анкеты. Доля специализированных маркеров выше у двух носителей с более активным ульчским, чем у носителя с более пассивным ульчским.

В таблице 11 перечислены все предложения, которые хотя бы один из носителей перевел с помощью специализированной футуральной формы (на *-ilə* или на *-ŋə*).

Таблица 11. Контексты с *-ŋə* и *-ilə* (как минимум у одного носителя)

№	gip	tsd	nvk	контекст
5_add	<i>-ŋə</i>	<i>-ŋə</i>	NA	Я не успел купить хлеба. Ничего, потом купишь .
100_FTRQ	<i>-ilə=mə</i>	<i>-ilə(=mə)</i>	<i>-ilə</i>	Когда ты услышишь эту сказку, ты будешь смеяться .
8_add	<i>-ilə=mə</i> (на - \emptyset)	<i>-ilə=mə</i> (на - \emptyset)	PRS	Когда-нибудь я куплю собственный дом.
10_add	<i>-ilə=mə</i>	<i>-ilə</i>	PRS	Рано или поздно это яблоко упадет нам на голову.
12_add	<i>-ilə</i>	<i>-ilə</i>	PRS	Не подходи к собаке. Еще укусит!
44_FTRQ	<i>-ilə=mə</i>	<i>-ilə=mə</i>	PRS	(Мой брат устал.) Завтра он встанет поздно.
101_FTRQ	<i>-ilə=mə</i>	<i>-ilə=mə</i>	PRS	(Прими это лекарство.) Оно тебе поможет .
13_add	<i>-ilə=mə</i> (на - \emptyset)	PRS	<i>-ilə=mə</i> (на - \emptyset)	Если позовешь, приду . (А если не позовешь, не приду.)
2_add	NA	<i>-ilə</i>	NA	(Один вор говорит другому:) А что если кто-нибудь нас увидит!
6_add	NA	<i>-ilə=mə</i>	NA	Если я удачливый, выиграю .
97_FTRQ	NA	NA	<i>-ilə=mə</i>	(Ты обещал сварить мне кашу. Когда она будет готова?) Она будет готова через 5 минут.
14_add	NA	NA	<i>-ilə=mə</i>	(Пока не открывай окно) Мы откроем окно, когда он уйдет!
31_FTRQ	<i>-ilə=mə</i> (на - \emptyset)	DESID	PRS	(Что ты будешь делать сегодня вечером?) Вечером я буду чинить сеть.
80_FTRQ	<i>-ilə=mə</i> (на - \emptyset)	DESID	PRS	Я должен поблагодарить брата за помощь.

* Помета «NA» ставилась, если от данного носителя не удалось получить нужный контекст. В столбце «№» помета «_FTRQ» означает, что предложение взято из анкеты AUTOTYP (нумерация исходная), помета «_add» означает, что это одно из дополнительных предложений. Интересующие нас контексты в русских стимульных предложениях выделены полужирным.

** Для формы на *-ilə* также указано, сопровождалась ли она клитикой *=mə* (дополнительно указано, если форма 1 или 2 лица с *=mə* не содержала личного аффикса). Обсуждение клитики *=mə* см. ниже в разделе 5.4.

Распределение специализированных показателей по контекстам похоже у всех трех носителей. По семантике контексты в большинстве соответствуют ожидаемым (см. о значениях футуральных показателей по данным текстов выше, в разделе 5.2).

Единственное употребление формы на *-ŋə* (двумя носителями) приходится на контекст разрешения (5_add).

Для формы на *-ilə* в целом подтверждается высказанное на материале текстов предположение о том, что она используется, если ситуация в будущем подкрепляется теми или иными предпосылками. Все три носителя употребили форму на *-ilə* в главной части предложения с временным зависимым (100_FTRQ): *будешь смеяться, когда услышишь*. Два носителя из трех использовали ее в аппрехенсивном контексте (10_add, 12_add, еще по одному такому контексту, 2_add, есть данные только от одного носителя). В контексте условия с будущим намерения (13_add) форму на *-ilə* также использовали два носителя из трех (ср. также 14_add), по контексту условия с будущим предсказания (6_add) есть данные по одному носителю: он употребляет *-ilə*. Употребление *-ilə* двумя из трех носителей в контекстах 44_FTRQ и 101_FTRQ также можно связать с условием — имплицитным, заданным предтекстом (*лекарство поможет, если примешь его, встанет поздно, раз устал*), употребление *-ilə* носителем gip в 80_FTRQ — с причинной посылкой (*потому что брат поможет*)⁶. Не до конца понятно употребление одним носителем формы на *-ilə* в предложениях 97_FTRQ (возможно, влияет длинный предтекст, который носитель интерпретировал как посылку для совершения действия) и 31_FTRQ (будущее намерения без дополнительных оттенков).

⁶ Показательно, что этот носитель несколько перестроил фразу: «{Когда брат мне поможет}, я ему скажу: «Спасибо, брат!»».

От одного из трех носителей (tsd) были дополнительно собраны данные по двум конкретным ключевым контекстам, выявленным для форм на *-ilə* и *-ŋə*, — контексту типа 12_add (36a) и 5_add (36b):

- (36) а. ‘Вдруг он (пойдет в лес один)!’ — аппрехенсивный контекст: предостережение о возможной неприятной ситуации в будущем, 3 лицо; ожидается форма на *-ilə*
 б. ‘{Не ходи в лес}, потом (пойдешь)’ — разрешение отложить действие, 2 лицо; ожидается форма на *-ŋə*

Эти два контекста были спрошены для 9 разных глаголов. Как и для стимулов из таблицы 10, носителю давалось предложение на перевод с русского, с расширенным эксплицитным контекстом. Все предложения на русском были построены единообразно (повторяющаяся конструкция в (36) подчеркнута). Интересующие нас стимульные предложения перемежались со стимульными предложениями на другие модальные и видо-временные формы. Перевод 7 из 9 предложений типа (36a) содержал форму на *-ilə* (без энклитики =*mə*)⁷. Перевод всех предложений типа (36b) содержал форму на *-ŋə*.

5.4. Клитика =*mə* в форме на *-ilə*

В разделе 3.1 было упомянуто, что форма на *-ilə* может иметь при себе энклитическую частицу =*mə*. В [Петрова 1936: 62; Суник 1985: 46] клитика =*mə* включена в парадигму для форм 3 лица (но не 1 и 2 лиц). Эксплицитно ее употребление не комментируется, но как будто бы из этого следует, что она употребляется только с формами 3 лица и с ними ее употребление обязательно. Ниже я проверю, так ли это и происходят ли изменения в речи современных носителей. С морфологической точки зрения указанное распределение правдоподобно: формы 3 лица, по крайней мере, ед. ч., не имеют лично-числового показателя (см. разделы 3.2 и 4), а формы 1 и 2 лиц — имеют (и это может блокировать употребление энклитики).

В таблице 12 приведены текстовые данные по каждой лично-числовой форме для ранних текстов и для поздних текстов.

Таблица 12. Клитика =*mə* в форме на *-ilə*: данные текстов

	SG		PL	
	ранние тексты	поздние тексты	ранние тексты	поздние тексты
1	15 (+6) 2 (оба на -Ø)	0 (+1) 0	0 (+1) 2 (из них 1 на на -Ø)	0 1
2	30 (+2, из них 1 на -Ø) 5	0 (+1) 1	2 0	1 0
3	14 (+3) 3	0 3	0 0	0 0

* Подсчеты даны в формате: количество употреблений без =*mə* || количество употреблений с =*mə*.

** Примеры, в которых отсутствует клитика =*mə*, но присутствует другая энклитика, подсчитаны отдельно, их количество дано в скобках: «(+N)».

Данные таблицы 12 по ранним текстам дают картину несколько отличную от той, которую можно ожидать исходя из кратких описаний Петровой и Суника. Клитика =*mə* употребляется во всех лицах. И для всех лиц (по крайней мере, для тех форм, по которым достаточно данных), в т. ч. и для 3 лица, употребление без клитики частотнее, чем употребление с клитикой. В поздних текстах употреблений слишком мало, чтобы можно было давать какие-либо количественные оценки. Для всех лиц, кроме 3, встретились и употребления без клитики, и употребления с клитикой. Для 3 лица встретились только употребления с клитикой, но их всего 3.

Результат элицитации парадигмы от современных носителей (см. раздел 4) укладывается в описание Петровой и Суника значительно лучше. В качестве нейтральных для форм 1 и 2 лица действительно последовательно даются формы без клитики, а для 3 — формы с клитикой. Но при этом признаются грамматичными как формы с клитикой для 1 и 2 лиц, так и формы без клитики для 3 лица.

Если клитика =*mə* присоединяется к формам с референцией к 1SG и 3PL, в этих формах отсутствует лично-числовой показатель (см. таблицы 5 в разделе 4); к формам 2 лица и 1PL клитика может присоединяться и при наличии показателя⁸.

⁷ Оставшиеся 2 предложения были переведены специальной конструкцией V-CV.V.SIM + *qādāsi*.

⁸ В случае с формой 1SG дело, видимо, в морфонологии: форма с лично-числовым показателем 1SG оканчивается на *-mbi*, при присоединении энклитик аффикс *-bi* обычно усекается, т. е. форма оканчивается на *-m*. Клитика

Для форм 3 лица с клиткой и без клитки носитель отмечает разницу в значении. С ней, видимо, и связана разница между данными элицитации и данными из очерков, с одной стороны, и данными текстов, с другой стороны. Говоря о семантике клитки =*mə*, уместно привести данные о других ее употреблениях и о ее функциях в близкородственном нанайском. Нанайская клитика =*mə* описывается в грамматике [Аврорин 1961: 267] как «усилительная частица-суффикс». Она употребляется при двух глагольных формах — форме презенса индикатива (соответствующей ульчскому Презенсу II, см. раздел 3.1) и форме будущего времени на -*ʒə* (не имеющей эквивалента в ульчском языке, см. раздел 3.3). Форма будущего с клиткой =*mə* рассматривается в грамматике как особая форма «будущего второго» [Аврорин 1961: 110—114]. В. А. Аврорин постулирует для будущего второго (на =*mə*) «оттенок вынужденности, не зависящей от воли действующего лица неизбежности вероятного действия» [1961: 110], в переводах иллюстративных примеров используется конструкция *придется сделать*. При этом Аврорин отмечает, что семантическая разница между формами будущего первого (без =*mə*) и будущего второго (на =*mə*) размыта. Это еще более верно для современной нанайской речи. В текстах форма с =*mə* встречается крайне редко и какое-либо специальное значение для нее выделить сложно: единственный футуральный контекст, в котором носители последовательно запрещают употребление =*mə* — аппрехенсивный (контекст предостережения), см. [Стойнова 2013].

В ульчском языке клитика =*mə* не очень частотна, однако в наших текстах зафиксировано ее употребление не только при глаголе, но и за пределами глагольных форм, см. (37):

- (37) *araq turgun-dulə-ni=mə ʃupal bud-i-ti*
водка причина-LOC-3SG=PTCL весь умирать-PRS-3PL
'Из-за водки все умирают'. (Ulcha_OD_biography)

Что касается употребления с формой 3 лица будущего времени на -*ilə*, носитель *nvk*, с которым проводилась элицитация глагольной парадигмы от достаточного числа глаголов, последовательно⁹ предлагает для формы без клитки =*mə* и с клиткой контрастивные контексты типа (38):

- (38) а. *ʒəp-tilə* 'убери рыбу}, а то съест'
б. *ʒəp-tilə=mə* 'пока не давай,} потом съест'

В обоих случаях присутствует оттенок возможности, обусловленный текущим положением дел (см. общее толкование формы на -*ilə* в разделе 5.1), однако в (38а) (без =*mə*) это эпистемическая возможность и аппрехенсивный контекст, а в (38б) (с =*mə*) возможность, которую уместнее охарактеризовать скорее как внешнюю онтологическую: не возникнет препятствий для совершения V. Основная разница — в оценке ситуации говорящим: в (38а) говорящий оценивает ситуацию как нежелательную, а в (38б) — ситуация желательная и для субъекта, и для говорящего.

Различие, намеченное в (38), хорошо согласуется с запретом на =*mə* в аппрехенсивном контексте, обнаруженном в нанайском языке. Данные элицитации от других носителей (переводы стимульных предложений с русского, анализируемые в разделе 5.3, см. таблицу 11) как будто бы также его подтверждают. Носитель *tsd*, которому предлагалось перевести фразу с аппрехенсивным контекстом для 9 глаголов, ни разу не употребил клитику =*mə*. Не очень многочисленные данные текстов существенно дополнить картину не позволяют.

6. Результаты, обсуждение результатов

Исходную структуру футуральной зоны в ульчском языке (до языкового сдвига) можно реконструировать следующим образом. Семантическую зону обслуживают три основных конкурирующих формы — презенс, форма на -*ilə* и форма на -*ŋə*. Наиболее частотен в значении будущего времени презенс, менее — форма на -*ilə*, реже всего употребляется форма на -*ŋə*. Это коррелирует с семантическим охватом каждой из форм. Форма презенса выступает как дефолтная. Форма на -*ilə* обслуживает контексты, связанные с эпистемической модальностью, и, шире, разного рода контексты обусловленности, контексты, предполагающие наличие эксплицитных предпосылок для ситуации в будущем. Форма на -*ŋə* обслужи-

же, наоборот, начинается на *m*-. Для 3PL отсутствие лично-числового показателя в контексте клитки может подкрепляться, во-первых, общей факультативностью лично-числового показателя в 3 лице, во-вторых, аналогией с нулевой формой 3SG.

⁹ Несколько более сложные и менее последовательные комментарии сопровождали элицитацию неконтролируемых глаголов.

вает модализованные контексты, связанные с ориентацией на участников речевого акта (speaker-oriented modality): контексты, где говорящий соглашается с ожидаемым ходом событий, разрешает его или регламентирует. Семантические доминанты форм на *-ilə* и *-ŋə* выделяются на разных основаниях, поэтому контексты их употребления частично пересекаются; пересекаются они, естественно, и с контекстами употребления неспециализированной формы презенса. Таким образом, футуральные формы изначально распределены так, что ни у одной нет «незаменимой» области употребления (здесь следует принять во внимание также конкуренцию с модальными и императивными средствами, которая не обсуждалась в работе подробно).

Что происходит с этой системой в условиях языкового сдвига? Во-первых, в поздних текстах в целом меньше футуральных контекстов: отчасти, это косвенно связано с упрощением языка и сокращением его функций. В частности, заметно редуцируется жанр сказки, для которого в коллекции ранних текстов футуральные контексты были особенно характерны. Во-вторых, как и ожидалось, наблюдается экспансия неспециализированной (презентной) формы и сокращение числа употреблений специализированных маркеров, т. е. движение в сторону уменьшения избыточности, см. обсуждение типов упрощения системы в разделе 1. Стоит, однако, отметить, что презентная форма в футуральном контексте и изначально была наиболее частотна и имела наиболее широкий круг контекстов употребления, это само по себе не результат языкового сдвига. То есть можно сказать, что исходно более частотная форма начинает употребляться еще чаще, а исходно менее частотные — еще реже. Верно и то, что реже начинают использоваться средства с более сложными правилами употребления и чаще — семантически нейтральное средство.

Интересно, что если частотность специализированных футуральных форм, как и ожидалось, действительно уменьшается, то собственно в семантике заметных изменений нет. Презентная форма изначально склонна к очень широкому употреблению, и никаких принципиально новых контекстов, как кажется, не приобретает. Специализированные же формы используются реже, но тоже в изначально свойственных им контекстах. Ни сужения числа таких контекстов, ни какой бы то ни было хаотизации употребления футуральных форм не наблюдается.

Можно также посмотреть на наши данные с точки зрения возможного грамматического копирования русской системы. В русском языке нет форм, которые по набору контекстов употребления были бы в точности похожи на ульчские специализированные футуральные формы. В этом смысле поддержки в русской системе они не находят — и снижение их частотности снова закономерно, а семантическая сохранность — интересна. При этом нельзя сказать, чтобы использование формы презенса в футуральных контекстах поддерживалось русской системой. В русском языке морфологически единая форма обслуживает контексты настоящего времени для глаголов НСВ (*читает*) и контексты будущего времени для глаголов СВ (*прочитает*), однако для одного и того же глагола значения настоящего и будущего времени не совмещаются. Поэтому использование формы презенса в футуральных контекстах в ульчском языке параллелизма с русским языком не обнаруживает.

Что касается морфологических изменений, их можно наблюдать в форме на *-ilə*. По свидетельству Т. И. Петровой и О. П. Суника, изначально она употреблялась с особым набором лично-числовых показателей. В речи современных носителей они частично вытесняются показателями, характерными для большей части глагольной парадигмы, т. е. можно говорить о таком типе упрощения системы, как регуляризация парадигмы (см. раздел 1). Однако данные ранних текстов показывают, что смешанный набор лично-числовых показателей наблюдался в этой форме еще до языкового сдвига. Таким образом, языковой сдвиг, видимо, действительно форсирует наблюдаемую регуляризацию глагольной парадигмы, но не инициирует ее.

Рассмотренный фрагмент данных слишком мал, чтобы делать какие бы то ни было глобальные обобщения, но он довольно логично перекликается с другими наблюдениями о грамматических изменениях в ситуации языкового сдвига, характерных для малых языков Сибири и Дальнего Востока. Такие наблюдения делались, например, об изменениях в области полипредикации. Л. Гренобль [Grenoble 2009] на примере эвенкийского языка (северно-тунгусские, Сибирь) демонстрирует, что в ситуации контакта с русским языком и языкового сдвига в языке с нефинитной стратегией сочинения и подчинения клауз могут, с одной стороны, появляться заимствованные из русского языка союзы, а с другой — снижаться частотность нефинитных форм и повышаться частотность финитных. Эта тема развивается в последующих работах [Овсянникова, Ханина 2018] и [Barbier 2021]. В [Овсянникова, Ханина 2018] на материале лесного энецкого языка (северно-самодийские, Таймыр) рассмотрено соотношение финитных и нефинитных клауз в текстах разного времени: изменения в их распределении действительно есть, но простой тенденции к увеличению числа всех финитных форм и уменьшению числа всех нефинитных нет. В [Barbier 2021] рассмотрено использование адвербиальных клауз с русскими союзами в негидальском языке

(северно-тунгусские, Нижний Амур): несмотря на очень активный контакт с русским языком, использование русских союзов и синтаксическая перестройка адвербиальных клауз по русскому образцу оказывается, вопреки исходным ожиданиям автора, крайне маргинальным явлением. Таким образом, в более характерной для данного региона ситуации, когда языковой контакт оказывается менее продолжительным, чем в случае с эвенкийским языком, грамматические рефлексы языкового сдвига в области полипредикации могут быть более неожиданными и менее отчетливыми, чем можно было бы ожидать. Обобщая эти выводы на другие области грамматики, то же можно, видимо, сказать и применительно к ульчскому языку, который сопоставим с энецким социолингвистически, а к негидальскому близок и социолингвистически, и ареально.

7. Заключение

Как было сказано выше, период языкового контакта в данном случае очень короткий, с жесткой асимметрией между языками (доминирующий русский, вытесняющий ульчский), нет ситуации, при которой на протяжении нескольких поколений наблюдался бы стабильный симметричный билингвизм. Видимо, для такой социолингвистической ситуации то, что мы видим в грамматике, вполне характерно.

Что касается набора форм с референцией к будущему и их функций, происходят некоторые сдвиги в частотности, и они вполне согласуются с ожиданиями, демонстрируя как будто бы тенденцию к уменьшению числа грамматических противопоставлений и упрощению системы. Но на уровне семантики никаких изменений произойти не успевает — ни тех, которые можно было бы связать с распадом системы в условиях языкового сдвига, ни тех, которые можно было бы объяснить копированием системы контактирующего языка. Та же картина наблюдается и на морфологическом уровне: есть тенденция к регуляризации парадигмы, но она намечается до языкового сдвига, а языковой сдвиг способствует лишь ее усилению.

Эти выводы, сделанные на небольшом фрагменте данных, указывают на следующие возможные перспективы и ограничения для дальнейшего исследования. Во-первых, поиск контактных явлений и явлений, связанных с языковым сдвигом, в грамматике языка, подвергнувшегося очень интенсивному, но очень краткому контакту, за которым следует резкий языковой сдвиг, может дать более скромные и более тривиальные результаты, чем можно было бы ожидать, и кажущиеся его рефлексии в грамматике, видимо, следует подвергать тщательной проверке. Во-вторых, такого рода рефлексии, видимо, имеет смысл искать на уровне частотности в большей степени, чем на уровне собственно качественных изменений. Наконец, в-третьих, если материал, собранный от последних носителей, может дать меньше ожидаемого для исследования контактных и связанных с языковым сдвигом изменений, то для описания собственно системы языка он может дать, таким образом, наоборот, больше, чем можно было бы ожидать. Такие данные до тех пор, пока их удастся извлечь, обладают, видимо, вполне достаточной надежностью и фиксируют в общих чертах ту же грамматическую систему, что и «до языкового сдвига».

С о к р а щ е н и я

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо	IMP — императив	PROPR — проприетив
ACC — аккузатив	IMPS — имперсонал	PRS — настоящее время
ADV — адвербиализатор	INS — инструменталис	PRS2 — настоящее время
CAUS — каузатив	INTERJ — междометие	PST — прошедшее время
COND — кондиционал	IPFV — имперфектив	PTCL — частица
CONNNEG — коннегатив	LAT — латив	PURP — цель
CVB — деепричастие	LOC — локатив	Q — вопросительная частица
DAT — датив	MPURP — движение с целью	QUOT — цитативная частица
DESID — дезидератив	NEG — отрицание	REFL — рефлексив
DIST — временная дистанция	NSIM — неодновременность	REP — рефактив
DISTR — дистрибутив	PL — множественное число	RUS — русский фрагмент
DUR — дуратив	POSS — посессивный показатель	SG — единственное число
EMPH — эмфаза	PRED — предикативный показатель	SIM — одновременность
FUT1 — будущее время	PROH — прохобитив	SUBJ — сослагательное наклонение
FUT2 — будущее время	PROL — пролатив	SUPERL — суперлатив
		VBLZ — вербализатор

Л и т е р а т у р а

- Аврорин 1961 — *В. А. Аврорин*. Грамматика нанайского языка. Т. II. М.—Л.: Изд. АН СССР, 1961.
- Герасимова 2002 — *А. Н. Герасимова*. Нанайский и ульчский языки в России: сравнительная характеристика социолингвистической ситуации // *Языки Коренных народов Сибири*. 2002, 12. С. 246—257.
- Груздева 2007 — *Е. Ю. Груздева*. Языковая аттриция в системе языковых изменений // *Языковые изменения в условиях языкового сдвига*. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 16—58.
- Иващенко (Ред.) 1994 — *Л. Я. Иващенко*. (Отв. ред.). История и культура ульчей в XVII—XX вв.: историко-этнографические очерки. СПб.: Наука, 1994.
- Иващенко, Старцев 1994 — *Л. Я. Иващенко, А. Ф. Старцев*. Школьное обучение // *Л. Я. Иващенко*. (Отв. ред.) История и культура ульчей в XVII—XX вв.: историко-этнографические очерки. СПб.: Наука, 1994. С. 139—145.
- Овсянникова, Ханина 2018 — *М. А. Овсянникова, О. В. Ханина*. Что происходит с языком, когда на нем перестают говорить? (данные нефинитных форм лесного диалекта энецкого языка) // *Кс. П. Семенова*. (Ред.) Малые языки в большой лингвистике. Сборник трудов конференции. М.: Буки Веди, 2018. С. 151—158.
- Оскольская, Стойнова 2019 — *С. А. Оскольская, Н. М. Стойнова*. Изменения именной парадигмы в ульчском языке в условиях языкового сдвига // *Урало-алтайские исследования*. 2019, 2(33). С. 66—82.
- Петрова 1936 — *Т. И. Петрова*. Ульчский диалект нанайского языка. М.: Учпедгиз, 1936.
- Старцев 1994 — *А. Ф. Старцев*. Хозяйство ульчей в годы Советской власти // *Л. Я. Иващенко*. (Отв. ред.) История и культура ульчей в XVII—XX вв.: историко-этнографические очерки. СПб.: Наука, 1994. С. 36—49.
- Стойнова 2013 — *Н. М. Стойнова*. Будущее время в нанайском языке // *Проблемы языка*. Сборник статей по материалам конференции «Проблемы языка: взгляд молодых ученых» (ИЯз РАН, сентябрь 2013). М.: ИЯз, 2013. С. 326—341.
- Стойнова 2018 — *Н. М. Стойнова*. Глагольное отрицание в ульчском языке: полевые данные // *Проблемы языка*. Сборник научных статей по материалам шестой конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых» (12—14 марта 2018 г.). М.: Канцлер, 2018. С. 181—203.
- Сумбатова, Гусев 2016 — *Н. П. Сумбатова, В. Ю. Гусев*. Ульчский язык // *В. Ю. Михальченко* (Гл. ред.) *Язык и общество*. Энциклопедия. М.: Азбуковник, 2016. С. 513—515.
- Суник 1962 — *О. П. Суник*. Глагол в тунгусо-маньчжурских языках: морфологическая структура и система форм глагольного слова. М.—Л., 1962.
- Суник 1985 — *О. П. Суник*. Ульчский язык: исследования и материалы. Л., 1985.
- Храковский, Володин 1986 — *В. С. Храковский, А. П. Володин*. Семантика и типология императива. Русский императив. Л.: Наука, 1986.
- Barbier 2021 — *Barbier L.* Russian influence on Upper Negidal adverbial clauses // *The second conference Indigenous languages of Russia in contact with Russian. Book of abstracts*. Moscow: V. V. Vinogradov Russian Language Institute & Institute of Linguistics, RAS, 2021. P. 13—15.
- Bybee et al. 1991 — *J. L. Bybee, W. P. Pagliuca, R. D. Perkins*. Back to the future // *E. C. Traugott, B. Heine* (Eds.). *Approaches to grammaticalization*, Vol. 2: Types of grammatical markers. Amsterdam: John Benjamins, 1991.
- Bybee et al. 1994 — *J. L. Bybee, R. D. Perkins, W. P. Pagliuca*. *The evolution of grammar: tense, aspect and modality in the languages of the world*. Chicago: University of Chicago Press, 1994.
- Dahl 2000 — *Ö. Dahl*. The grammar of future time reference in European languages // *Ö. Dahl*. (Ed.). *Tense and Aspect in the Languages of Europe*. Berlin—New York: Mouton de Gruyter, 2000.
- Dorian 1981 — *N. C. Dorian*. *Language Death: The Life Cycle of a Scottish Gaelic Dialect*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1981.
- Grenoble 2009 — *L. Grenoble*. Losing it in Siberia: Assessing the impact of contact // *Proceedings from the Annual Meeting of the Chicago Linguistic Society*. 2009, 45. P. 143—159.
- Kantarovich et al. 2021 — *J. Kantarovich, L. Grenoble, A. Vinokurova, E. Nesterova*. Complexity and Simplification in Language Shift // *Frontiers in Communication*. 2021, 6 (Online first: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fcomm.2021.638118/full>).
- Malchukov, Ogawa 2011 — *A. Malchukov, A. Ogawa*. Towards a typology of impersonal constructions: A semantic map approach // *A. Malchukov, A. Siewerska* (Eds.). *Impersonal constructions. A cross-linguistic perspective*. Amsterdam—Philadelphia: John Benjamins, 2011. P. 19—56.
- Miestamo 2005 — *M. Miestamo*. Standard negation: the negation of declarative verbal main clauses in a typological perspective. Berlin: Mouton de Gruyter, 2005.
- Sasse 1992 — *H.-J. Sasse*. Theory of language death // *M. Brenzinger*. (Ed.). *Language Death. Factual and Theoretical Explorations with Special Reference to East Africa*. Berlin: De Gruyter, 1992. P. 7—30.
- Sasse 2001 — *H.-J. Sasse*. Typological changes in language obsolescence // *M. Haspelmath et al.* (Eds.). *Language typology and language universals: An international handbook*. Vol. 2. Berlin: Walter de Gruyter, 2001. P. 1668—1677.
- Schmidt 1985 — *A. Schmidt*. *Young People's Dyribal*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.

References

- Avrorin 1961 — Avrorin V. A. *Grammatika nanaiskogo yazyka*. T. II. M.—L.: Izd. AN SSSR, 1961. {Avrorin V. A. *A Nanai grammar*. V. II. Moscow—Leningrad: AS USSR, 1961.}
- Barbier 2021 — Barbier L. Russian influence on Upper Negidal adverbial clauses. In: *The second conference Indigenous languages of Russia in contact with Russian. Book of abstracts*. Moscow: V. V. Vinogradov Russian Language Institute & Institute of Linguistics, RAS, 2021. P. 13—15.
- Bybee et al. 1991 — Bybee J. L., Pagliuca W. P., and R. D. Perkins. Back to the future. In: Traugott E. C., and B. Heine (Eds.). *Approaches to grammaticalization*, Vol. 2: Types of grammatical markers. Amsterdam: John Benjamins, 1991.
- Bybee et al. 1994 — Bybee J. L., Perkins R. D., and W. P. Pagliuca. *The evolution of grammar: tense, aspect and modality in the languages of the world*. Chicago: University of Chicago Press, 1994.
- Dahl 2000 — Dahl Ö. The grammar of future time reference in European languages. In: Dahl Ö. (Ed.). *Tense and Aspect in the Languages of Europe*. Berlin—New York: Mouton de Gruyter, 2000.
- Dorian 1981 — Dorian N. C. *Language Death: The Life Cycle of a Scottish Gaelic Dialect*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1981.
- Gerasimova 2002 — Gerasimova A. N. Nanaiskii i ul'chskii yazyki v Rossii: sravnitel'naya kharakteristika sotsiolingvicheskoi situatsii. In: *Yazyki Korenykh narodov Sibiri*. 2002, 12. S. 246—257. {Gerasimova A. N. *Nanai and Ulcha in Russia: a comparative characteristics of the sociolinguistic situation*. In: *Languages of indigenous peoples of Siberia*. 2002, 12. P. 246—257.}
- Grenoble 2009 — Grenoble L. Losing it in Siberia: Assessing the impact of contact. In: *Proceedings from the Annual Meeting of the Chicago Linguistic Society*. 2009, 45. P. 143—159.
- Gruzdeva 2007 — Gruzdeva E. Yu. Yazykovaya attritsiya v sisteme yazykovykh izmenenii. In: *Yazykovye izmeneniya v usloviyakh yazykovogo sdviga*. SPb.: Nestor-Istoriya, 2007. S. 16—58. {Gruzdeva E. Yu. *Language attrition in the system of language change*. In: *Language change in language shift*. Saint Petersburg: Nestor-Istoria, 2007. P. 16—58.}
- Ivashchenko (Red.) 1994 — Ivashchenko L. Ya. (Otv. red.). *Istoriya i kul'tura ul'chei v XVII—XX vv.: istoriko-ethnograficheskie ocherki*. SPb.: Nauka, 1994. {Ivashchenko L. Ya. (Ed.). *The history and culture of the Ulcha people in the XVII—XX cent.: historical-ethnographic essays*. Saint Petersburg: Nauka, 1994.}
- Ivashchenko, Startsev 1994 — Ivashchenko L. Ya., Startsev A. F. Shkol'noe obuchenie. In: Ivashchenko L. Ya. (Otv. red.) *Istoriya i kul'tura ul'chei v XVII—XX vv.: istoriko-ethnograficheskie ocherki*. SPb.: Nauka, 1994. S. 139—145. {Ivashchenko L. Ya., and A. F. Startsev. *School education*. In: Ivashchenko L. Ya. (Ed.). *The history and culture of the Ulcha people in the XVII—XX cent.: historical-ethnographic essays*. Saint Petersburg: Nauka, 1994. P. 139—145.}
- Kantarovich et al. 2021 — Kantarovich J., Grenoble L., Vinokurova A., and E. Nesterova. Complexity and Simplification in Language Shift. In: *Frontiers in Communication*. 2021, 6 (Online first: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fcomm.2021.638118/full>).
- Khrakovskii, Volodin 1986 — Khrakovskii V. S., Volodin A. P. *Semantika i tipologiya imperativa*. Russkii imperativ. L.: Nauka, 1986. {Khrakovskiy V. S., and A. P. Volodin. *The semantics and typology of imperatives*. Leningrad: Nauka, 1986.}
- Malchukov, Ogawa 2011 — Malchukov A., and A. Ogawa. Towards a typology of impersonal constructions: A semantic map approach. In: Malchukov, A., and A. Siewerska (Eds.). *Impersonal constructions. A cross-linguistic perspective*. Amsterdam—Philadelphia: John Benjamins, 2011. P. 19—56.
- Miestamo 2005 — Miestamo M. Standard negation: the negation of declarative verbal main clauses in a typological perspective. Berlin: Mouton de Gruyter, 2005.
- Oskol'skaya, Stoinova 2019 — Oskol'skaya S. A., Stoinova N. M. *Izmeneniya imennoi paradigmy v ul'chskom yazyke v usloviyakh yazykovogo sdviga*. In: *Uralo-altaiskie issledovaniya*. 2019, 2(33). S. 66—82. {Oskol'skaya S. A., and N. M. Stoinova. *Changes in noun paradigm in Ulcha in the situation of language shift*. In: *Ural-Altai Studies*. 2019, 2(33). P. 66—82.}
- Ovsyannikova, Khanina 2018 — Ovsyannikova M. A., Khanina O. V. Chto proiskhodit s yazykom, kogda na nem perestayut govorit'? (dannye nefinitnykh form lesnogo dialekta ehnetskogo yazyka). In: Semenova Ks. P. (Red.) *Malye yazyki v bol'shoi lingvistike. Sbornik trudov konferentsii*. Moskva: Buki Vedi, 2018. C. 151—158. {Ovsyannikova M. A., and O. V. Khanina. *What happens to a language when it is no longer spoken? Non-finite forms in Forest Enets*. In: Semenova Ks. P. (Ed.) *Minority languages in a large linguistics. Conference proceedings*. Moscow: Buki Vedi, 2018. P. 151—158.}
- Petrova 1936 — Petrova T. I. *Ul'chskii dialekt nanaiskogo yazyka*. M.: Uchpedgiz, 1936. {Petrova T. I. *The Ulcha dialect of Nanai*. Moscow: Uchpedgiz, 1936.}
- Sasse 1992 — Sasse H.-J. Theory of language death. In: Brenzinger M. (Ed.). *Language Death. Factual and Theoretical Explorations with Special Reference to East Africa*. Berlin: De Gruyter, 1992. P. 7—30.
- Sasse 2001 — Sasse H.-J. Typological changes in language obsolescence. In: Haspelmath M. et al. (Eds.). *Language typology and language universals: An international handbook*. Vol. 2. Berlin: Walter de Gruyter, 2001. P. 1668—1677.

Schmidt 1985 — Schmidt A. *Young People's Dyrbal*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.

Startsev 1994 — Startsev A. F. Khozyaistvo ul'chei v gody Sovetskoi vlasti. In: Ivashchenko L. YA. (Otv. red.) *Istoriya i kul'tura ul'chei v XVII—XX vv.: istoriko-ehnologicheskie ocherki*. SPb.: Nauka. S. 36—49. {Startsev A. F. The Ulcha's economy under the Soviet regime. In: Ivashchenko L. Ya. (Ed.). *The history and culture of the Ulcha people in the XVII—XX cent.: historical-ethnographic essays*. Saint Petersburg: Nauka, 1994. P. 36—49.}

Stoinova 2013 — Stoinova N. M. Budushchee vremya v nanaiskom yazyke. In: *Problemy yazyka. Sbornik statei po materialam konferentsii «Problemy yazyka: vzglyad molodykh uchenykh» (IYaz RAN, sentyabr' 2013)*. M.: IYaz, 2013. S. 326—341. {Stoinova N. M. The future tense in Nanai. In: *Problems of the language. The proceedings of the conference "Problems of the language: young scholars' sight"*. Moscow, 2013. P. 326—341.}

Stoinova 2018 — Stoinova N. M. Glagol'noe otritsanie v ul'chskom yazyke: polevye dannye. In: *Problemy yazyka. Sbornik nauchnykh statei po materialam shestoi konferentsii-shkoly «Problemy yazyka: vzglyad molodykh uchenykh» (12-14 marta 2018 g.)*. M.: Kantsler, 2018. S. 181—203. {Stoinova N. M. Verbal negation in Ulcha: field data. In: *Problems of the language. The proceedings of the conference "Problems of the language: young scholars' sight"*. Moscow, 2018. P. 181—203.}

Sumbatova, Gusev 2016 — Sumbatova N. R., Gusev V. Yu. Ul'chskii yazyk. In: Mikhal'chenko V. Yu. (Gl. red.) *Yazyk i obshchestvo. Ehntsiklopediya*. M.: Azbukovnik, 2016. S. 513—515. {Sumbatova N. R., and V. Yu. Gusev. The Ulcha language. In: Mikhalchenko V. Yu. (Ed.). *Language and Society. An encyclopedia*. Moscow, 2016. P. 513—515.}

Sunik 1962 — Sunik O. P. Glagol v tunguso-man'chzhurskikh yazykakh: morfologicheskaya struktura i sistema form glagol'nogo slova. M.—L., 1962. {Sunik O. P. *The verb in Tungus-Manchu: morphology and verbal forms*. Moscow—Leningrad, 1962.}

Sunik 1985 — Sunik O. P. Ul'chskii yazyk: issledovaniya i materialy. L., 1985. {Sunik O. P. *The Ulcha language. Studies and materials*. Leningrad, 1985.}